

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа на тему:
***ЖЕНСКИЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСТВА
ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1918—1924 гг.***

по направлению подготовки 003100 «История»
образовательная программа бакалавриата «История»
профиль «Отечественная история»

Выполнил:
студент 4 курса
дневного отделения
Куприй Наталья Владимировна

Научный руководитель
к.и.н., доцент
Гаврилова Ольга Александровна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Актуальность темы. В свете нынешней перманентной реформы высшего образования изучение опыта ранней советской высшей школы важно не только для понимания того, как создавалась и функционировала эта *система*, но и как происходила организация и самоорганизация *людей* внутри нее. Социальная сторона университетской истории связана с формированием гражданского общества в России – темой, на сегодня чрезвычайно актуальной¹. В целом, «мода» на социальную историю отражает интерес современного общества именно к человеческому измерению прошлого. Учитывая популярность в последние десятилетия гендерных исследований и т. н. женской истории, можно думать, что этот аспект истории высшей школы вполне заслуживает внимания. Он является и частью большой темы феминизации образования.

В 1918 г., когда обучение всех уровней официально стало смешанным, заканчивается история высшей женской школы в России как особого образовательного и социокультурного пространства². Инкорпорация женщин в традиционно мужскую университетскую среду происходила в условиях гражданской войны и начала советской реформы высшей школы. Поколение женщин, первыми оказавшихся тогда в университете, состояло из очень разных людей, среди которых были будущие известные деятели культуры и науки. Если рассматривать гуманитарный «цех», то, например, в Петроградском университете в эти годы училась дочь академика А.А. Шахматова С.А. Шахматова-Коплан, философ культуры О.М. Фрейденберг, историк интеллигенции В.Р. Лейкина-Свирская. Можно назвать и имена, связанные с другими высшими учебными заведениями: в Институте истории искусств училась ли-

¹ Аврус А.И. Дискуссионные и малоизученные аспекты истории российских университетов // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 456.

² Постановление Народного Комиссариата Просвещения. О введении обязательного совместного обучения (31 мая 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 530; Декрет Совета Народных Комиссаров. О правилах приема в высшие учебные заведения (2 августа 1918 г.) // Там же. С. 770.

тературовед Л.Я. Гинзбург, в Казанском университете – историк-декабристовец М.В. Нечкина. Их студенческий период был основой их профессиональной карьеры и человеческой судьбы, поэтому тема женщин в высшей школе актуальна и при изучении биографий отдельных личностей. Личные документы многих из них изучаются и вводятся в научный оборот лишь последнее время.

Объект и предмет исследования. Объектом в данной работе является социальная компонента Петроградского университета 1918–1924 гг.: студентки, студенты и профессорско-преподавательский состав.

Предметом изучения выступает комплекс характеристик женской половины студенчества: во-первых, особенности взаимодействия студенток с мужским «населением» университета, во-вторых, их социально-политический, социально-экономический и культурный облик.

Хронологические рамки. Нижней границей исследования является 1918 г. – год принятия декрета о новых правилах приема в высшую школу, начало совместного обучения мужчин и женщин. Верхняя дата – 1924 г., «печально знаменитый»³ масштабной социальной «чисткой» Петроградского университета от социально чуждых элементов. Исследователи указывают на середину 1920-х гг. как на конец истории «старого» студенчества и «старой» высшей школы⁴.

Цель работы – понять роль женщин (студенток) в жизни Петроградского университета в 1918–1924 гг.

Задачи отражают структуру работы:

- 1) рассмотреть динамику численности студентов и студенток, данные половозрастного состава профессоров и преподавателей;
- 2) выявить особенности отношений студенток с мужчинами – профессорами и преподавателями;

³ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 84–85.

⁴ Ленинградский университет 1819–1944. М., 1945. С. 88; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М., 2017. С. 753–754.

- 3) выявить особенности отношений студенток со студентами;
- 4) выделить основные черты партийно-политической активности студенток;
- 5) выделить основные черты их социального статуса и материального положения;
- 6) сравнить представителей и представительниц «старой» и «новой» студенческой культуры.

Степень разработанности проблемы. Основой историографии вопроса является историография истории Петроградского университета, рассмотренной в контексте истории российской высшей школы и учащейся молодежи первой трети XX века. Необходимой нам частью истории высшей школы является и история женского образования, исследовательская литература по которой образует отдельный историографический блок.

В истории университета наш главный интерес сосредоточен на его социальной составляющей. По замечанию Е.А. Ростовцева об историографии 1920–30-х гг., «изменение информационной ситуации в условиях “пролетарской диктатуры” и тотальной политической цензуры мало способствовало обсуждению “университетского вопроса”»⁵. Студенчество университета революционного времени в работах советского периода исследуется в основном с точки зрения отношений студенчества и профессуры с властью, их участия в реформе высшей школы⁶. Лакуну в собственно социальной истории помогают заполнить социологические исследования молодежи, активно проводившиеся в 1920-е гг. «вследствие обостренного интереса к особенностям социального облика первого поколения советских людей»⁷. Эмпирические

⁵ Ростовцев Е.А. Указ соч. С. 59.

⁶ Ленинградский университет 1819–1944 / Отв. ред. В.В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945. 184 с.; Ленинградский университет за советские годы 1917–1947: Очерки / Сост. В.И. Смирнов и др.; под ред. С.В. Колесника. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. 383 с.; Очерки по истории Ленинградского университета / ЛГУ; Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962–2000. Вып. I–VIII.

⁷ Петрова Т.Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 123.

исследования были направлены на выяснение образовательных проблем учащихся, но в целом освещали широкий круг вопросов, в том числе о взаимоотношениях полов. Так предпринимались первые попытки осознать изменения в психологии молодежи, связанные с новыми условиями жизни и новыми потребностями⁸. В советской России они начали проводиться после революционного перерыва, с 1922 г., и степень их идеологизированности на протяжении 1920-х гг. возрастала. Результаты обследований публиковались на страницах официальной студенческой печати, которая представляет интерес с точки зрения истории студенчества и другими текстами – в частности, заметками о студентках и женском влиянии на студенческую жизнь (обычно речь шла об общественной пассивности учащихся женщин и «половом вопросе»)⁹. Небольшой интерес к учащейся женской молодежи проявляла и женская печать¹⁰.

Возвращаясь к истории университета, необходимо обратить внимание на работы о высшей школе, созданные во второй половине XX века, особенно в его последней четверти, когда назрела потребность в осознании полувекового опыта существования высшей школы на советских началах¹¹.

⁸ *Рубинштейн М.М.* Юность : По дневникам и автобиографическим записям. М.: Высш. пед. курсы при Моск. высш. техн. училище, 1928. 275 с.; *Ласс Д.И.* Современное студенчество. (Быт, половая жизнь). М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 216 с.

⁹ *Требелев А.* Вредные уклоны // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 109–112; *Бочаров.* Как развивалась коммуна (Из опыта 2-го МГУ) // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 116–119; *Адучаев Н.* Студенческая коммуна // Красная молодежь. 1924. № 4. С. 90–93; *П-ва.* О работе среди студенток // Красная молодежь. 1925. № 5. С. 147–148; *Ямский А.* О любви // Красная молодежь. 1926. № 2. С. 24–27; *Дарк.* Студентки Запада и Востока // Красная молодежь. 1927. № 8. С. 44–49; *Лепешинский П.В.* В вольно-дискуссионном клубе. Проблема любви // Молодая гвардия. 1923. № 1 (8). С. 94–111, и др.

¹⁰ *Нюрина Ф.* О работе среди девушек // Коммунистка. 1923. № 12. С. 12–14; *Таланкина.* О работе студенток среди женщин-работниц // Коммунистка. 1927. № 4. С. 38–39; *Горский Р.* Условия высшего образования женщины // Журнал для женщин. 1924. № 6. С. 1–2; О высшем и специальном образовании // Журнал для женщин. 1924. № 8. С. 1–2; *Черноярский.* О ВУЗ'ах // Журнал для женщин. 1926. № 5. С. 5–6.

¹¹ *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.) / Под ред. В.А. Шишкина. Л., 1984. 197 с.; *Она же.* Советская высшая школа в 1917–1927 гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук / АН СССР. Л.: Наука, 1990. 32 с.

Интерес был обращен не только к принципам функционирования системы образования, созданной советской властью, но и к ее человеческому «фактору». Так, А.П. Купайгородской была интересна парадоксальная двойственность студенческого мира послереволюционного времени: отчужденность «старых» и «новых» студентов друг от друга. Вопрос женского присутствия в вузах, в том числе Петроградском университете после 1917 г. рассматривается в ее работе достаточно кратко: дана предыстория проблемы раздельного образования, констатируется ее решение законодательной отменой дискриминации при приеме, и приводятся цифры динамики численности студентов и студенток.

Во второй половине XX века новым поколением историков была обозначена женская тема в университетской истории в связи с актуализацией истории женского образования в России¹². Главным ее разработчиком в Ленинградском университете был Г.А. Тишкин. Речь, однако, шла о дореволюционном периоде. Исторические изыскания позволили сделать вывод о роли женщин в жизни университета до 1917 г.: со второй половины XIX века благодаря стремлению женщин к образованию и профессиональному труду они становятся привычным явлением академической повседневности, несмотря на отсутствие в университетском

¹² *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 года. М.: Мысль, 1981. 285 с.; *Тишкин Г.А.* Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // *Очерки по истории Ленинградского университета / ЛГУ*; отв. ред. Г.А. Тишкин. Л., 1982. Т. IV. С. 15–32; *Он же.* Петербургские профессора и женское образование // *Русская культура и высшая школа: Тез. межвуз. науч. конф., посвященной 75-летию Санкт-Петербургской гос. академии культуры (20–23 дек. 1993 г.)*. СПб.: СПбГАК, 1993. С. 52–54; *Иванов А.Е.* За право быть студенткой // *Вопросы истории*. 1973. № 1. С. 204–207; *Он же.* «Женский вопрос» в российских университетах в начале XX в. // *О благородстве и преимуществе женского пола. Из истории женского вопроса в России: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин*. СПб.: СПбГАК, 1997. С. 117–129; *Купайгородская А.П.* Высшее женское образование в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков – условия и факторы развития // *Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / СПБНИИ РАН; СПб. науч. общество историков и архивистов; отв. ред. Р.Ш. Ганелин*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 302–321; *Она же.* Женское образование в России – проблема и решение // *Российские женщины и европейская культура : Тезисы докладов II научной конференции / РАН, Санкт-Петербург. научный центр, Санкт-Петербург. фонд им. М.В. Ломоносова, Комитет по социальным вопросам Мэрии Санкт-Петербурга; [отв. ред. Г.А. Тишкин]*. СПб.: Санкт-Петербург. фонд, 1994. С. 62–64.

уставе нормы о приеме лиц обоего пола и ограниченных трудовых возможностях, которые давало женщинам образование.

В новейшее время начал разрабатываться сюжет, связанный с историей высшей женской школы и первого женского университета в России – Высших женских (Бестужевских) курсов. История курсов является неотъемлемой частью истории Петербургского университета. Курсы считались его «женским факультетом» благодаря тому, что на них читали университетские профессора и преподаватели, большая часть которых «с первых шагов женского движения, с конца 50-х гг. XIX в., стала сторонниками высшего женского образования»¹³. Значимы исследования В.А. Верemenko, специализирующейся на теме высшего женского и совместного образования и, шире, феномене образованной женщины в дореволюционной России¹⁴. Анализ разнообразных источников, особенно материалов периодической печати, позволил исследовательнице показать двойственное отношение общества к женщинам, стремившимся в высшую школу, а также эволюцию ее собственных взглядов на образование. С одной стороны, далеко не все женщины стремились учиться вместе с мужчинами¹⁵. С другой, важен факт значительного стремления именно в университет, неизбежным следствием

¹³ *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 11. См. также: *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России: Очерки по истории женского образования. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Лема, 2011. 246 с.; *Она же.* К вопросу об историко-социологическом исследовании выпускниц Бестужевских курсов (к 130-летию первого женского университета в России) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 2009. Вып. 1. С. 278–280.

¹⁴ *Верemenko В.А.* Феномен ученой женщины в общественном мнении России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Российские женщины и европейская культура : Тезисы докладов II научной конференции. СПб.: Санкт-Петербургский фонд, 1994. С. 15–16; *Она же.* Женщины в русских университетах : (вторая половина XIX – начало XX века) / Министерство образования РФ, Высшая административная школа при Администрации Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Высш. адм. шк., 2004. 148 с.

¹⁵ *Верemenko В.А.* Женщины в русских университетах (во второй половине XIX – начало XX века). СПб., 2004. С. 124.

чего становилось совместное обучение¹⁶. В целом, панорама истории женского образования дает понимание высокой степени вовлеченности российских женщин в образовательный процесс. Активно разрабатывается историками и тема последствий советской образовательной реформы для профессиональной, в том числе научной, самореализации женщин и их положения в системе трудовых отношений в 1920-е гг.¹⁷

На современном историографическом этапе история университета в ее социальном аспекте неизбежно выходит за рамки контекста истории самого учебного заведения. Здесь будет уместнее говорить об истории студенчества и университета как социокультурного феномена.

Внимание к студентам как особой социокультурной общности появилось уже в 1990-е гг., когда авторы стали обращаться к жанру социальной истории и истории повседневности. Возник интерес к «старому» студенчеству, в том числе тем, кто пришел в высшую школу накануне

¹⁶ *Патрикеева О.А.* «Падчерицы русских университетов»: Проблемы высшего женского образования в России в конце XIX – начале XX столетий // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 184; *Патрикеева О.А.* Курсистка или вольнослушательница Университета: выбор россиянок в начале XX столетия // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 2. С. 43.

¹⁷ *Валькова О.А.* Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: НЛЮ, 2012. С. 809–848; *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153; *Здравомыслова Е., Темкина А.* Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход : Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96–137; *Ведерникова Е.В.* Советская гендерная политика и карьерные возможности в науке [Электронный ресурс] // Рубеж: Альманах социальных исследований. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/18347421.html> (дата обращения: 30.04.2017).

революции и продолжал учебу уже в советском вузе¹⁸. Крупнейшим исследователем студенчества конца XIX – начала XX вв. является А.Е. Иванов¹⁹. Его работы не затрагивают ранний советский период, но вносят важный вклад в понимание студенческого мира, сложившегося к 1917 г. Жизнь дореволюционного студенчества описана в разных аспектах – социальном, политическом, культурно-бытовом, гендерном.

Рассматривая вопрос источников, исследователь уделяет особое внимание студенческим самопереписям – уникальной российской практике, традиция которой сложилась в начале XX века и была на время прервана революционным процессом 1917 г. Интересно, что анкеты переписи, адресованные респондентам обоих полов (проводились мужские, смешанные и женские обследования), содержали вопрос об отношении к совместному обучению. Правда, автору не удалось найти ответы на этот вопрос респондентов женского пола²⁰. В целом, досадно, что для освещения первых послереволюционных лет жизни высшей школы источник данного типа послужить не может (на протяжении гражданской войны переписи не проводились и не могли быть проведены).

Работы А.Е. Иванова также примечательны большим количеством приводимых автором статистических данных: о количестве женских, мужских и смешанных вузов, процентном соотношении студентов и студенток к 1917 г. Женская тема раскрывается, с одной стороны, в очерке

¹⁸ Как указывают Е.Э. Платова и К.А. Пшенко, понятие «старое студенчество» относится к студентам приемов до октября 1917 г., а также после революции по 1920-й год включительно. «Новое» студенчество ведет свою историю с окончания гражданской войны и относится к приемам в университеты с 1920/21 учебного года (Платова Е.Э., Пшенко К.А. Новое студенчество России: Образ жизни. 20-е годы 20-го столетия. СПб., 1999. С. 94.).

¹⁹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / РАН, Ин-т истории. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.; *Он же*. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации / РАН, Ин-т истории. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.; *Он же*. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века : Очерки / РАН, Ин-т истории. М.: Новый хронограф, 2010. 331 с.

²⁰ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 241.

истории решения «женского вопроса» (борьба университетской либеральной общественности с консерватизмом власти, общественные дискуссии), а с другой – через рассмотрение истории высшей женской школы (ее место в системе высшего образования дореволюционной России, специфика и проблемы обучения, причины непопулярности среди женщин, статистика специализации выпускниц, а также профессиональные предпочтения женщин независимо от уровня их образования, что есть выход на более широкую тему). Автор приходит к выводу, что высшее образование для российской женщины в начале XX века не являлось неременной жизненной необходимостью, поскольку среднее образование уже позволяло ей войти «в среду лиц интеллигентных профессий»²¹. При этом репутация высшего образования в глазах женщин была высока, многие из них стремились к научной самореализации, а не доходному ремеслу²². Сравнение социального состава женского и мужского студенчества показало, что социальная дифференциация, характерная в начале XX века для студенчества в целом, среди женщин была не такой резкой, так как «самая динамичная группа их пополнялась из городских непривилегированных сословий»²³. Позволим себе предположить, что большая – по сравнению с мужским – социальная монолитность женского студенческого сообщества позволила ему сохранить свои «субкультурные» традиции вопреки советской образовательной реформе.

Еще более концептуальным видением истории российского студенчества является работа А.Р. Маркова – исследователя, не ограничивавшего себя рамками исторической науки и ее традиционных методов²⁴. Для него харак-

²¹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 160.

²² Там же. С. 168.

²³ Там же. С. 190.

²⁴ А.Р. Марков был одним из пионеров изучения в России истории советской повседневности и субъективности (Дмитриев А.Н. Что значит быть историком // Марков А.Р. Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 гг. М., 2005. С. 5–12.).

терен междисциплинарный подход к анализу прошлого: многочисленны отсылки к социально-психологическим, социологическим и философским концепциям. Студенческий мир автор изучает в историко-культурном ракурсе, не привычным в отечественной историографии тех лет, поэтому в жанровом отношении работа А.Р. Маркова стояла несколько особняком.

В фокусе внимания историка находится студенчество периода 1914–1920-х гг. Предметом его размышлений был процесс становления нового – нормативного – мышления, а концептуальным посылом – тезис о том, что студенчество данной эпохи следует рассматривать как «нетипичную» социальную группу и изучать ее в свете истории повседневности и сексуальной политики (сексуального дискурса) 1920-х гг.²⁵ Именно в таком контексте – вслед за советским государством, которое больше всего волновала проблема здоровья молодого поколения, – на материале половых переписей он рассматривает половой фактор в жизни студенчества 1920-х гг. По периоду 1917–1920 гг., однако, «сказать что-либо конкретное об эволюции студенческой сексуальности <...> не представляется возможным» за неимением источников²⁶. Совместное обучение в высшей школе автор рассматривает как причину сексуального перевозбуждения молодежи 1920-х гг., проявлениям которого и уделяет наибольшее внимание.

Важны замечания исследователя об источниках, на которых, по его мнению, следует строить работу по студенческой тематике. Во-первых, это личные студенческие дела, во-вторых, – материалы социологических (статистических) исследований, которые в основном относятся ко второй половине 1920-х гг., и, наконец, мемуары, сложность и опасность которых – их жанровая близость к художественной литературе. Все эти группы источников в разной мере легли в основу и нашей работы.

Интересно, что А.Р. Марков в своем историко-психологическом (как сам его позиционирует), отчасти историко-социологическом труде отказыва-

²⁵ Марков А.Р. Что значит быть студентом. Работы 1995–2002 гг. М., 2005. С. 15

²⁶ Марков А.Р. Что значит быть студентом. С. 88.

ется от использования методов контент-анализа и анализа дискурса, делая выбор в пользу микроисторического исследования. На его принципах во многом построена и фундаментальная работа по истории советской молодежи 1920-х гг. А.Ю. Рожкова. Значимость его монографии, внушительной по физическому и содержательному объему (богатый источниковый материал, охват сразу трех молодежных групп – студентов, школьников и красноармейцев), подтверждается фактом переизданий книги²⁷.

Сложное взаимодействие «старого» и «нового» студенчества, которые у А.Ю. Рожкова фигурируют под условными обозначениями «жоржиков» и «мужиков», является главным сюжетом работы. О студентках речь заходит лишь эпизодически: в тех случаях, когда рассматриваются теории и практики решения «полового вопроса», бытовая сторона студенческой жизни, социальная дискриминация и др. – словом, специального внимания учащимся женщинам не уделяется. Затронута тема истории костюма, испытавшего в период военного коммунизма настоящий террор идеи полового равенства. После 1921 г., считает А.Ю. Рожков, можно говорить о закате эры феминизма: многим женщинам, в том числе студенткам, «вполне достаточно было юридического равноправия в образовательной и электоральной сферах», а «стремление к заурядному “женскому” счастью в виде семейного очага после революционных бурь вполне закономерно обострилось»²⁸. Интересно выделение мужских поведенческих типов в отношениях с женщиной – «эротоманов», «аскетов» и «нормальных» (предпочитавших «непродолжительные романы по взаимному влечению»²⁹), характеристика на конкретных примерах жен-

²⁷ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. : В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. 630 с.; *Рожков А.Ю.*, В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. [2-е изд.]. М.: НЛЮ, 2016. 630 с.

²⁸ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 331.

²⁹ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 356.

ского поведения – более свободного в сексуальном плане, чем у мужчин, и, наконец, вывод о причине сексуальной революции: автор, в отличие от современников 1920-х гг., считает, что «корень зла» – не совместное обучение, а естественный результат эмансипации.

Основной претензией к исследователю со стороны коллег является указание на уязвимость его подхода – чрезмерную «микроисторичность». Претендуя на историко-социологический статус, работа представляет большой, но не во всех случаях репрезентативный, с точки зрения социологии, массив материала³⁰. Кажется, однако, что цель автора заключалась именно в создании панорамы прошлого, «галереи» портретов разных студенческих типов, «субкультур», – а не очередной концептуальной «рамки». Если говорить об источниках, иллюстративность которых делает повествование таким ярким и образным, то создается впечатление, что большим потенциалом этой образности явно обладают студенческая периодическая печать и источники личного происхождения, которые автор активно использует.

В последнее десятилетие вклад в изучение студенчества 1917 – середины 1920-х гг. вносят исследования, проведенные на локальном материале³¹. Особенно ценной в нашем случае является диссертация А.Ф. Кривоноженко о Петроградском университете в 1917–1922 гг. В работе затронуты как институциональные, так и человеческие моменты жизни университета. «Летописный» характер изложения, его фактологическая плотность позволяет ясно представить положение Петроградского университета во время гражданской войны, хронику его отношений с властью и детали внутренней (социальной) истории.

³⁰ *Исаев В.И.* [Рец. на кн.] А.Ю. Рожков. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 170–172.

³¹ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 262 с.; *Амалиева Г.Г.* Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 23 с.; *Сальникова А.А.* Частная жизнь университетского человека в Казани, 1920–1990-е гг. // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2004. № 8. С. 38–54.

Главу о жизни университета в революционное лихолетье содержит фундаментальный труд Е.А. Ростовцева по истории отношений академической корпорации университета с властью в период с середины XIX по 1922 г.³² Очень важно его замечание о том, что неприятие «академическим миром» новой власти отдаляло университетских людей «от ориентиров массового сознания революционной эпохи»³³. Это вопрос об отношении в советских условиях вообще к университетским людям, то есть история интеллигенции в 1917 – 1920-е гг. Несмотря на обилие публикаций, считается, что до сих пор в историографии данная тема освещена плохо³⁴. Студенчество в книге рассматривается как фактор влияния на профессорско-преподавательскую корпорацию. Автор делает акцент на столичном статусе университета, что накладывало особый отпечаток на взаимоотношения его обитателей.

Наконец, история Петроградского университета погружена в широкий контекст истории образования и интеллигенции в советской России 1920-х гг. и в зарубежной историографии³⁵. В ней поднимается как тема социальной истории (Ш. Фицпатрик), так и тема университета как места «элитного знания» (И. Халфин), борьбу за которое с началом реформы повели университетские интеллектуалы. Тема женского фактора в жизни советских студен-

³² *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.

³³ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 731.

³⁴ *Аврус А.И.* История российских университетов в отечественной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии : Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции (Иваново, 20–21 сентября 1995 г.). : В 2 т. / ИРИ РАН; Ивановский гос. ун-т; отв. ред. В.С. Меметов. Иваново, 1995. Т. 1. С. 159–160; *Милина Т.В.* Образование и учительство в 20-30-е годы: Проблема количественных и качественных показателей // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии... Т. 2. С. 348.

³⁵ *Konecny P.* Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal; McGill-Queen's University Press, 1999. 358 с.; *Halpin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh press, 2000. 474 с.; *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge university press, 2002. 355 с.

тов в работе Питера Конечного раскрывается в формате истории сексуальной революции и споров о половой морали.

При содействии зарубежных гендерных исследований в 80-е гг. XX в. начался выход отечественной науки на женский «профиль». Были сформулированы такие проблемы, как мир чувств русской женщины и ее социальных ценностей. Постановка этих проблем в исторической науке произошла лишь недавно³⁶. Лидером данного направления является Н.Л. Пушкарева. Она не только отстаивает право «женской истории» на существование, в том числе в области истории и антропологии науки³⁷, но и занимается вопросами методологии женских и гендерных исследований³⁸.

Подводя итог историографии, следует признать, во-первых, что узкая постановка проблемы – женщина в университете в первые годы после революции – почти не встречается в литературе и чаще всего сводится к проблеме «полового вопроса» 1920-х гг.³⁹ Во-вторых, избранная нами тема, по-видимому, требует знания о разных сферах (история молодежи, история высшей школы, история женщин), разных исторических периодах (до- и постреволюционном), использования как традиционных, так и новейших методов.

Источники. Большая часть из них относится непосредственно к Петроградскому университету 1917 – 1920-х гг.

³⁶ Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 85. См. также: Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2–3. С. 32–37.

³⁷ Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 168–191; Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // *Tractus Aevorum: Эволюция социокультурных и политических пространств*. 2014. № 1. Т. 1. С. 15–27.

³⁸ Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 27–42.

³⁹ Сальникова А.А., Амалиева Г.Г. Вновь о любви «без черемухи», или Женщина в университете в 1920-е годы // *Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. науч. ст. и сообщений / Казанский государственный университет; отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань, 2005. С. 57–62. Статья, однако, не содержит ни одной ссылки на какую-либо литературу и источники.*

Опубликованные источники представлены, во-первых, актовым материалом – сборниками постановлений советской власти⁴⁰. Во-вторых, это статистические сборники⁴¹. Третий источник – материалы периодической печати (студенческих журналов «Красная молодежь» («Красное студенчество»), «Красный студент» и «Молодая гвардия»; изданий для женщин «Коммунистка», «Журнал для женщин»). Наконец, последними из опубликованных являются источники личного происхождения.

Так как история Петроградского университета связана с историей конкретных людей, то их индивидуальный опыт оказывается важным и для понимания жизни социальной группы, к которой они принадлежали, – то есть студенческого сообщества.

Корпус источников личного происхождения составили воспоминания, дневники и письма тех, кто в 1918–1924 гг. учился в Петроградском (Ленинградском) университете и других вузах. В большей степени внимание уделено воспоминаниям.

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Декреты Советской власти. Т. 3 : 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964.

⁴¹ Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1, 2. Пг., 1920; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922; Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. М., 1924. Т. XVIII.

По дате публикации тексты можно отнести к двум периодам: «застойным» 1970-м гг.⁴² и современной России, начиная с 1990-х гг.⁴³ Некоторые из воспоминаний были опубликованы спустя десятилетия после написания.

Для воспоминаний, опубликованных в брежневский период, характерно объединение текстов в сборники по социально-профессиональной принадлежности авторов⁴⁴. Возникновение сборника, как правило, связано с юбилейной датой, а сам формат сборника предполагает подчиненность его текстов одной идее. В нашей работе такими источниками являются советский и эмигрантский сборники воспоминаний выпускниц Высших женских (Бестужевских) курсов и воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета.

Характерной чертой постсоветского мемуарного творчества является умеренное внимание к большой истории и, наоборот, повышенный интерес к истории «маленького» человека. «По-видимому, происходит некая приватизация истории, при которой мемуары, дневники, авто/биографии – все, что формирует сегодня мир non-fiction, – предлагают читателю более достоверную версию прошлого, чем исторический документ»⁴⁵. Источниками 1990–

⁴² Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969; Наша дань Бестужевским Курсам: Воспоминания бывших бестужевков за рубежом. Париж, 1971; На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971; *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания : В 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 1; *Полубаринова-Кочина П.Я.* Воспоминания. М., 1974; *Юдина М.В.* Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978.

⁴³ *Фрейденберг О.М.* Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 145–156; *Гаген-Торн Н.И.* Memoria. М., 1994; *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб., 1995; *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996; *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In Memoria: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 19–86; *Вентцель Е.С.* Ленинградский университет в 20-х годах // Е.С. Вентцель – И. Грекова : К столетию со дня рождения. М., 2007. С. 18–37; *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2011.

⁴⁴ *Балина М.Р.* «Выживленцы» и постсоветская поп-мемуаристика [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ba4.html#_ftnref2 (дата обращения 10.05.2017).

⁴⁵ Там же.

2000-х гг. в нашем случае являются мемуары О.М. Фрейденберг⁴⁶, Н.И. Гаген-Торн⁴⁷, Д.С. Лихачева⁴⁸, М.Б. Рабиновича⁴⁹, Н.С. Штакельберг⁵⁰, Е.С.

⁴⁶ Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955) – философ культуры, филолог-классик. Биографические данные и характеристика воспоминаний будет дана в основной части работы.

⁴⁷ Гаген-Торн Нина Ивановна (1900–1986) – этнограф, историк, поэтесса. Из дворянской интеллигенции шведского происхождения. Училась в 1918–1924 на факультете общественных наук Петроградского университета. В 1927–1929 гг. училась в аспирантуре Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). В 1931–1932 гг. преподавала в Институте народов Севера. В 1936 г. была арестована, находилась в ссылке до середины 1940-х гг., в 1947–1952 гг. – повторный арест, лагеря и ссылка. В 1956 г. была реабилитирована, с 1955 г. работала в Институте этнографии им. Миклухо-Маклая, в 1960 вышла на пенсию, когда и занялась написанием мемуаров (глава, посвященная университету, написана в 1975 г.).

⁴⁸ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – филолог, культуролог, искусствовед; академик, общественный деятель. В 1923–1928 гг. учился на факультете общественных наук Петроградского университета. С 1928 г. подвергался репрессиям, до 1931 г. находился на Соловках. Воспоминания о разных периодах жизни, в том числе о студенческом времени, начали публиковаться с конца 1980-х – начала 1990-х гг.

⁴⁹ Рабинович Михаил Борисович (1907–1997) – историк. Учился на факультете общественных наук в 1923–1927 гг., в конце 1930-х гг. поступил в аспирантуру исторического факультета, в 1930-40-е гг. преподавал в учебных заведениях Ленинграда, в т. ч. ЛГУ. В 1949 г. в связи с работой над историей Ленинградского фронта был арестован в связи с разгромом Музея истории блокады, освобожден в 1953 г., продолжил преподавательскую деятельность. Воспоминания написаны в конце жизни, в 1990-е гг., изданы при жизни автора.

⁵⁰ Штакельберг Наталья Сергеевна (1897–1978) – историк и библиограф, в 1916 г. поступила на историко-филологический факультет Бестужевских курсов, в 1917 г. перевелась в Петроградский университет, в 1920 г. окончила факультет общественных наук. Ученица С.Ф. Платонова, была оставлена при кафедре русской истории (1920–1924). В 1924 г. покинула университет в результате «чистки». Жертва «Академического дела». В 1947 г. уволилась из Зоологического института и больше не служила. Воспоминания об университетских временах («кружке молодых историков», собиравшемся на квартире ее семьи в начале 1920-х годов) составляют часть воспоминаний, связанных с арестом и следствием по «Академическому делу». Написаны в 1975 г., опубликованы в 1995 г. с машинописного экземпляра с поправками автора. В публикации опущены страницы воспоминаний о стихах, частушках о кружке, описание вечеринок и других деталей жизни научного кружка.

Вентцель⁵¹, Л.Я. Гинзбург⁵².

Подавляющее большинство мемуаристов прошли через жернова советских репрессий, поэтому для текстов характерен мотив дискриминации. Тише всего он звучит в воспоминаниях о студенческой поре – то есть периоде, когда свободы, как оказалось впоследствии, было значительно больше. Все авторы рисуют картину трудного, но веселого, счастливого времени.

Немного среди авторов тех, кто не вступал с властью в конфликт. По крайней мере, эти мемуаристы не демонстрируют своих претензий в тексте (что естественно для воспоминаний, создававшихся с расчетом на публикацию). Таким нейтральным источником являются воспоминания советского академика, математика П.Я. Полубариновой-Кочиной. Иронический скепсис есть в воспоминаниях другого именитого математика Е.С. Вентцель (независимость ее суждений и поступков, в том числе литературного творчества, система терпела⁵³).

Среди авторов преобладают женщины. В русле «женской» темы можно прочесть их тексты, применив метод гендерных исследований⁵⁴. Однако в нашей работе он не используется, это отдельная и непростая задача. Женские воспоминания нужны для извлечения из них фактов университетской жизни, касающихся отношений авторов воспоминаний в их студенческую бытность с окружающим миром.

⁵¹ Вентцель Елена Сергеевна (1907–2002) – биографические данные и описание воспоминаний см. далее.

⁵² Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) – литературовед, эссеист, прозаик. В 1922 г. поступила в Ленинграде на словесное отделение Высших Государственных курсов искусствоведения Института Истории Искусств, который окончила в 1926 г. По окончании была оставлена в аспирантуре Института Истории Искусств, затем переведена в научные сотрудники (до 1930 г.). С 1930 по 1934 г. преподавала на рабфаке ЛГУ. Неофициально от университета была удалена как причастная к формальной школе, разгромленной в 1930–1931 гг.

⁵³ *Зверкина Г., Эпштейн Г.* Писатель И. Грекова – профессор Е.С. Вентцель [Электронный ресурс] // Новый мир. 2008. № 4. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/zv12.html (дата обращения 10.05.2017).

⁵⁴ *Пушкарева Н.Л.* Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 35–36.

Остановимся на некоторых мемуарных произведениях.

Воспоминания доктора физико-математических наук, академика П.Я. Полубариновой-Кочиной (1899–1999) дают представление о трудностях и прелестях учебы в самое тяжелое постреволюционное время: 1918–1921 гг., когда она училась на физико-математическом факультете Петроградского университета (в 1916 г. поступила на Бестужевские курсы). Воспоминания именно об этом периоде были впервые опубликованы в сборнике воспоминаний бывших бестужевок⁵⁵. Спустя несколько лет были изданы и переизданы воспоминания обо всем жизненном пути советского ученого⁵⁶. В книге университетскому периоду посвящена отдельная глава.

Не имея возможности учиться с 1919 по 1920 гг., в университете П.Я. Кочина, будучи переведенной с Высших женских курсов в 1918 г., в итоге провела непродолжительное время, хотя посещала его вольнослушательницей до 1917 г. Начало 1920-х гг. мемуаристка называет временем «всеобщего подъема учебной и научной деятельности»⁵⁷. В небольших зарисовках автор создает картину университетской жизни, отдельные очерки посвящая профессорам. Она оценивает их личные и профессиональные качества, рассказывает о занятиях и своих впечатлениях от лекторов, описывает их внешний вид и привычки. Набросана и хроника университетских событий, студенческий быт и досуг, пересказаны забавные случаи из студенческой жизни. Во время учебы у П.Я. Кочиной (точнее, Полубариновой в то время) удачно складывается личная жизнь, что, как она замечает, было редкостью для девушек ее поколения: «большинство моих приятельниц-бестужевок остались одиночками: ведь в их молодые годы студенты развеялись по свету»⁵⁸. Таким

⁵⁵ Кочина П.Я. Математика на службе народного хозяйства // Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969. С. 27–32.

⁵⁶ Полубаринова-Кочина П.Я. Воспоминания. М., 1974; Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы : Воспоминания и выступления. М., 1988.

⁵⁷ Кочина П.Я. Математика на службе народного хозяйства // Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969. С. 28.

⁵⁸ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. С. 94.

образом, источник дает возможность представить повседневную жизнь студентки, ее впечатления от университета и университетского общения. Несмотря на принадлежность к советскому периоду, воспоминания идеологически нейтральны, не содержат «острых углов», в них нет ничего о каких-либо университетских конфликтах.

Внимания заслуживают воспоминания Е.С. Вентцель о ее пребывании в Ленинградском университете на том же физико-математическом факультете, но в более поздний период: 1923–1929 гг.⁵⁹. Е.С. Вентцель (1907–2002) – советский математик, доктор технических наук, профессор, специалист в совсем не женской сфере – воздушного вооружения, а также писательница и мемуаристка⁶⁰. Несмотря на то, что в университете она училась позже, чем того требуют хронологические рамки нашего исследования, ее мемуарный очерк об университете заслуживает внимания. Написанный в 1989 и опубликованный в 2007 г., он содержит экспрессивные характеристики людей из университетского окружения, выражает свободный дух новой – не «красной» и не «белой» студенческой молодежи 1920-х гг. Источник щедр на детали студенческой повседневности. Часто автор сравнивает студенчество 1920-х гг. со студенчеством современным (имея большой преподавательский стаж, Е.С. Вентцель хорошо была с ним знакома), и не в пользу последнего. Главный критерий сравнения – степень внутренней свободы молодых людей, которой, как кажется мемуаристке, у ее поколения было больше. В таком духе создан образ студенческого прошлого.

Неопубликованным источником являются, во-первых, автобиографические записки филолога-классика и теоретика культуры О.М. Фрейденберг, студентки отделения классической филологии Петроградского университета в 1917–1923 гг.

⁵⁹ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х годах // Е. С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения». М., 2007. С. 18–37.

⁶⁰ См. например: Вентцель Е.С. Кафедра: Повести. М., 1983.

Личный архив О.М. Фрейденберг (1890–1955) содержит автобиографические записки, которые на сегодняшний день опубликованы фрагментарно. Опубликован и отрывок той части, где О.М. Фрейденберг рассказывает о своих университетских годах⁶¹. Записки представляют большую ценность как автодокумент крупного ученого, до сих пор недооцененного.

Весной 1918 г. О.М. Фрейденберг подала прошение о зачислении ее вольнослушательницей историко-филологического факультета Петроградского университета, а весной 1919 г. – о переводе на его классическое отделение в качестве студентки⁶². Главными университетскими учителями О.М. Фрейденберг были И.И. Толстой⁶³ и С.А. Жебелев⁶⁴. К 1924 г. была подготовлена диссертация о происхождении греческого романа, защита которой прошла со скандалом (процедура защиты и научные степени были отменены⁶⁵). Еще в студенческие годы было положено начало конфликту О.М. Фрейденберг с другими филологами-классиками. Не будучи среди «оставленных при университете», в 1920-е гг. она принимала участие в работе научных институтов – Яфетического института и Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). В 1932 г. по приглашению, поступившему

⁶¹ *Фрейденберг О.М.* Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 145–156.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 1, 3.

⁶³ Толстой Иван Иванович (1880–1954) – филолог-классик, специалист по древнегреческой литературе и языку, эпиграфике; в 1918–1930 гг. профессор факультета общественных наук (ФОН; с 1925 – ямфак, в 1929–1930 – историко-лингвистический факультет). (Толстой Иван Иванович [Электронный ресурс] // Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII – XX вв. Проект «Биографика СПбГУ». Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1071.html> (дата обращения 10.05.2017)).

⁶⁴ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) – профессор кафедры классической филологии. С 1913 по 1927 гг. – профессор историко-филологического факультета, ФОН, Ямфака; был проректором университета. В период 1918–1919 гг. – декан факультета и ректор университета (Жебелев Сергей Александрович [Электронный ресурс] // Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII – XX вв. Проект «Биографика СПбГУ». Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/861.html> (дата обращения 10.05.2017)).

⁶⁵ Декрет СНК РСФСР от 01.10.1918 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 999–1000.

от университета, О.М. Фрейденберг воссоздала кафедру классической филологии и привлекла к ее работе лучшие филологические силы того времени. В 1935 г. защитила докторскую диссертацию и опубликовала первую – и последнюю при жизни – монографию. В 1937 г. был арестован ее брат. Блокаду Ленинграда О.М. Фрейденберг с матерью пережила в городе. После войны вынуждена была покинуть университет в связи с разгромом кафедры, травлей на почве антисемитизма и «борьбы с космополитизмом». В конце жизни О.М. Фрейденберг оказалась в полной профессиональной изоляции.

С конца 1940-х гг. она вела работу над текстом воспоминаний, используя как первоисточники свои записные книжки, дневники, анкеты, многочисленные письма, стихотворения и другие документы. Текст мемуарных записок сохранился на двух материальных носителях. Более ранний и созданный непосредственно автором составляет 34 рукописные тетради. Копия, набранная на машинке в 1970-е гг., содержит около 2300 листов. Текст состоит из семи частей и делится на главы, хронологически охватывающие детство, юность, университетский этап – сначала учебный, затем рабочий вплоть до ухода из Университета. Несколько сдвоенных тетрадей (3–4 и отчасти 5–6) объемом более 100 машинописных листов посвящены студенческим годам.

Свои воспоминания мемуаристка завещала историкам науки⁶⁶. Текст создавался «в стол», для себя, без цензуры, что является важнейшим параметром источников данного вида⁶⁷. Из-за антисоветского содержания рукопись воспоминаний после снятия машинописной копии в 1975 г. была увезена в Оксфорд в семейный архив Пастернаков (ныне он находится в Гуверов-

⁶⁶ Костенко (Глазырина) Н. Ю. История архива О.М. Фрейденберг [Электронный ресурс] // Костенко (Глазырина) Н.Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг : дипломная работа. Режим доступа: <http://freidenberg.ru/Исследования/Диплом/Глава-1/2> (дата обращения: 20.05.2015).

⁶⁷ Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 43.

ском институте войны и мира в США)⁶⁸. Весь архивный комплекс после смерти О.М. Фрейденберг находился у ее душеприказчицы Р.Р. Орбели, затем в 1985 г. перешел на хранение профессору Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета Н.В. Брагинской⁶⁹.

Соавтор проекта электронного архива О.М. Фрейденберг⁷⁰, исследователь ее мемуарного и эпистолярного наследия Н.Ю. Костенко отмечает высокую степень субъективности автобиографических записок. Воспоминания представляют собой хронику борьбы с несправедливостями жизни. Многие герои записок О.М. Фрейденберг – ее антагонисты. Высока степень художественности текста, который Н.В. Брагинская определяет как филологический роман, некий промежуточный жанр⁷¹. Проблема работы с автобиографическими записками, освещающими университетский период О.М. Фрейденберг, помимо субъективности, заключается в том, что не хватает синхронных свидетельств о ней. Ее высказывания о некоторых людях университета, в том числе известных ученых, считаются спорными и оскорбительными, что и не позволяет до настоящего момента осуществить полную публикацию автобиографических записок. Полное их содержание известно ограниченному кругу

⁶⁸ Костенко (Глазырина) Н. Ю. История публикаций [Электронный ресурс] // Костенко (Глазырина) Н.Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых... Режим доступа: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom/Glava3/1> (дата обращения: 20.05.2015).

⁶⁹ От сундука к сети. Беседа с Н.В. Брагинской, Н.Ю. Костенко, А.Д. Леоновым и А.С. Малковой о создании электронного архива Ольги Михайловны Фрейденберг [Электронный ресурс] // Русский журнал. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Ot-sunduka-k-seti> (дата обращения: 20.05.2015).

⁷⁰ О проекте «Электронный архив О.М. Фрейденберг» [Электронный ресурс] // Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг (1895–1955 гг.). Режим доступа: <http://freidenberg.ru/Oproekte> (дата обращения 5.05.2017).

⁷¹ Брагинская Н.В. Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 134–144. О жанре: Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 6. С. 75–82.

исследователей, работающих с текстом, но «молва» о записках распространилась широко (прежде всего, среди филологов-классиков)⁷².

Другими неопубликованными источниками являются архивные документы фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Во-первых, это личные дела студенток Петроградского университета первых лет послереволюционных приемов. Дела отложились в фонде 7240 Ленинградского университета Центрального государственного архива Санкт-Петербурга⁷³.

Личное дело как разновидность массового делопроизводственного источника не часто используется в исследованиях. Это можно объяснить сложностью работы с данным источником ввиду его синтетического характера, а именно – сочетания в его составе делопроизводственных документов и документов личного происхождения⁷⁴. От исследователя требуется владение специфическими методами работы с такого рода документами, поэтому примеров исследований, построенных на анализе личных дел, не так много. Единственным примером источниковедческого изучения личных студенческих дел является диссертация Г.Г. Амалиевой, посвященная студентам Казанского университета⁷⁵. О методе изучения личных студенческих дел писала Л.Д. Дергачева, отмечая необходимость «особого подхода в силу неоднородности

⁷² Левинская И. О филологии без идеологии : Реплика по поводу двухтомника П.А. Дружинина «Идеология и филология» // Звезда. 2013. № 8. С. 173–183.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1, 2, 3.

⁷⁴ Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 1. С. 289.

⁷⁵ Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.

состава и нарративного характера первичной документации»⁷⁶. Этим теория и практика обращения к студенческим делам в исторических исследованиях на сегодня исчерпывается.

Несмотря на статус документов обязательного хранения (в канцелярии университета), личные дела, как и другие виды массовых источников, часто характеризуются неполнотой сохранности⁷⁷. В годы гражданской войны ни канцелярия университета, ни сам университет не могли нормально работать.

Личные студенческие дела данного периода обладают такими особенностями, как нерегулярность формуляров документов, плохое качество бумаги. Кроме того, по личным делам хорошо прослеживается советская социальная политика по отношению к студенчеству, ход советской образовательной реформы⁷⁸.

Личное студенческое дело формируется в течение всего периода обучения. Оно хранится в университетской канцелярии в картонной папке, листы которой прошиты. На папке указана дата зачисления, но не всегда – дата отчисления студента. Общий листаж личных дел колеблется в широком диапазоне: от 2–3 листов до нескольких десятков, вплоть до сотни. Наименьшей «толщиной» отличаются личные дела студентов 1917 г. приема, в сравнении с 1918 и 1919 гг. Личные дела заводились на всех подавших прошение о приеме, даже если фактически студент не начинал занятий. Внешний вид документов, особенно 1917 и 1918 гг., производит удручающее впечатление: большая их часть, за редким исключением, написана или напечатана на бумаге плохого качества, оборотной стороне дореволюционных бланков.

Процесс обучения большинства студентов в 1917 – 1920-е гг. сопровождался перерывами и растягивался по разным причинам. Хронологически

⁷⁶ *Дергачева Л.Д.* О методике изучения личных дел аспирантов МГУ 20-е – середина 30-х годов // Тезисы докладов совещания: Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней (Москва, 20–22 февраля 1985 г.). М., 1984. С. 178.

⁷⁷ *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 126.

⁷⁸ *Амалиева Г.Г.* Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 1. С. 290.

листы в деле располагаются не всегда в правильном порядке. Наблюдается несколько «сгустков» документов, датированных 1922, 1923 и 1924 гг., когда в высшей школе проходили первые социальные проверки. На этих бумагах – множество делопроизводственных пометок и резолюций, которые делают документы информативно многослойными и затрудняют их прочтение и интерпретацию.

Точная классификация документов в личном студенческом деле содержится в работе Г.Г. Амалиевой⁷⁹. Мы же выделим главное. С одной стороны, личное дело состоит, во-первых, из документов, требуемых при поступлении: прошение, затем заявление на имя ректора, свидетельство об окончании среднего учебного заведения, метрическое свидетельство, фотографические карточки. С 1918 г., согласно новым правилам приема, в связи с ликвидацией всех цензов при поступлении, кроме возрастного, в деле не должны были в обязательном порядке присутствовать документы о среднем образовании. Однако в делах 1918, 1919 и более поздних лет они обнаруживаются, как и прежде.

Вторую часть составляют документы периода обучения. Они делятся на имеющие непосредственное отношение к учебному процессу (матрикул, справки о выполнении зачетных и экзаменационных работ, прохождении практики, о текущей научной работе, свидетельство об окончании университета) и на бумаги, связанные с «чистками». Большая часть этих документов датируется 1922–1925 гг. Это справки и характеристики из домового комитета, справки о состоянии здоровья, удостоверения и отзывы с мест службы студентов и их родственников, на иждивении которых они находятся, и прочие бумаги, с помощью которых учащийся отстаивал свое право на материальную помощь от государства. Помощь заключалась в предоставлении возможности бесплатного обучения (плата была отменена в 1918⁸⁰ и вновь вве-

⁷⁹ Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 15.

⁸⁰ Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. // Собрание узаконенных и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 770.

дена в 1923 г., от нее освобождались отдельные категории) и назначении на стипендию, введенную в 1918 г. вместе с началом дискриминации лиц не рабоче-крестьянского происхождения⁸¹. В свете тяжелых материальных условий, в которых приходилось получать образование, борьба за льготы имела огромное значение. Поэтому доля «социальных» документов в личных делах достаточно высока.

С другой стороны, одни документы являются сугубо делопроизводственными (справки, удостоверения, свидетельства). Они исключают какую-либо пристрастность, позволяют создать достаточно объективное представление об отношениях университета и студента. Другие документы (протестные заявления) носят субъективный характер. Они живым языком рассказывают об индивидуальных стратегиях обучения и в буквальном смысле выживания. В то же время все документы дела – документы официальные.

Наиболее важными для нас документами в личном деле являются студенческие анкеты для определения на государственную стипендию и декларации для студентов, облагаемых платой за обучение. К анкетам и декларациям примыкают протестные заявления студентов, сопроводительные справки и прочие подтверждающие социальное положение документы.

По форме анкета и декларация почти одинаковы, однако в анкете содержится больше вопросов. Анкета запрашивает информацию, которую можно разбить на четыре группы. Во-первых, имя и возраст; во-вторых, данные о социально-экономическом положении студента и его семьи (сословие и профессиональные занятия до и после 1917 г., текущие источники к существованию); в-третьих, данные о социально-политической активности (опыт советской и партийной работы, участие в общественной жизни, в т. ч. университетской; отношение к советской власти и партийные взгляды); в-четвертых, академический статус (факультет и отделение, год поступления, учебная активность). Анкета заполняется самим студентом или с его слов. Как правило,

⁸¹ Постановление о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 137.

анкета заполнена в нескольких копиях – одном или двух печатных (напечатан формуляр, ответы рукописные), остальные – полностью в рукописном виде; ответы в них иногда различаются. По крайней мере на одном из экземпляров имеется резолюция: отказать в стипендии, назначить на стипендию или назначить кандидатом на стипендию. Решение по декларации могло быть сформулировано как «освободить от платы», «назначить плату в размере...», «предположена к освобождению (необходимы справки о болезни мужа)»⁸² и др. Нередко по дате резолюции можно понять и примерное время заполнения документов, т.к. не все они датированы. Бланки анкет и деклараций занимают две страницы (два листа).

Из рассмотренных личных дел не встречается ни одного, в котором бы анкета, по которой принято негативное решение (снятие со стипендии, назначение платы), не сопровождалась бы личным заявлением о пересмотре. Одни заявления более лаконичны, в иных изложена едва ли не вся биография человека. В деле документы часто сшиты не в хронологическом порядке, но по реквизитам (дате) и сопроводительной документации можно проследить хронике студенческой борьбы за государственные льготы. Интересен «живой» язык протестных заявлений и собственно биографические подробности, которые позволяют реконструировать индивидуальную историю обучения.

Содержание ответов в анкетах делится на фактические данные и оценочные суждения респондентов. На первый взгляд, фактические сведения могут быть использованы для анализа и выявления схожих черт социального происхождения и поведения студенток, то есть для создания коллективного студенческого портрета. Однако в изменившейся политической ситуации реальная социальная принадлежность не всегда была желаемой, и прежде чем ответить на вопросы анкеты, необходимо было хорошо их продумать. Сведения о себе вольно или невольно искажались⁸³. Иными словами, к анкетным

⁸² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 96. Л. 14.

⁸³ О практике «приписывания к классу»: *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 174–207.

данным – информации, предназначенной для власти, а следовательно, цензурированной респондентом, – приходится относиться осторожно.

Типологически к анкетам из личных дел примыкают анкеты студентов – членов партийных организаций университета в 1922 г., находящиеся в фонде 984 партийного комитета Петроградского университета Центрального государственного архива историко-политических документов⁸⁴. Анкетирование партийного студенчества проводилось в 1922 г. – по-видимому, в контексте общей социальной и академической проверки («чистки»). О последствиях опроса трудно судить, поскольку на анкетах нет резолюций. Анкеты сконцентрированы в одном деле, из них было выбрано 65 экземпляров, заполненных респондентами женского пола. Анкеты студенток – политических активисток были проанализированы для того, чтобы выявить основные социальные приметы этой группы учащихся.

Вопросы (19 позиций) и ответы занимают в среднем полторы-две страницы опросного листа, вопросы и ответы в котором сделаны от руки (только одна из рассмотренных анкет имеет печатный формуляр), часто карандашом. Формуляр незначительно варьируется от анкеты к анкете. Анкета позволяет выяснить средний возраст, статистику национальной принадлежности, социального положения, распределение по факультетам и отделениям, семейное положение, характер довузовского образования, партийное прошлое и настоящее (в том числе участие во внеучебной жизни университета) и получаемое жалование. Менее аккуратно студентки отвечали на вопрос об академической активности, т.к. у многих она была невысока в связи с общественной занятостью. В целом, отсутствие других документов, кроме анкет, делает их обработку уязвимой и неравноценной по сравнению с обработкой анкет, взятых в контексте личного дела. Однако в обоих случаях действует один порядок работы с источником – формализация сведений, их перевод, опять же, в анкетную форму и попытка количественного анализа.

⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 31.

Работа с анкетными документами студенток позволила сделать несколько предположений насчет их социального, политического и культурного «лица» периода 1917 – 1920-х гг. Некоторые выводы вовсе не новы и хорошо описаны в исторической литературе. При более масштабном количественном и качественном изучении подобных документов (по типу проведенного Г.Г. Амалиевой), думается, можно прийти к более надежным обобщениям.

Для данной работы были отобраны анкетные документы из 32 личных дел⁸⁵. Полнота данных в анкетах неодинакова, но позволяет примерно определить социальные, политические и экономические параметры студенток университета первых послереволюционных лет.

Прочие архивные документы фондов ЦГА СПб, использованные в работе, – это дела фонда 2555 Ленинградского отделения Главнауки; фонда 2556 Управления уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда; фонда 4269 рабочего факультета Петроградского университета; фонда 7240 Ленинградского университета⁸⁶. В них находится статистическая информация о студенческом и профессорско-преподавательском составе в 1918–1922 гг., данные по «чисткам», заявления о восстановлении в правах студента, содержащие массу биографических сведений.

⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 22, 194, 226, 371, 372, 811, 829, 1106, 1375; Оп. 2. Д. 107, 210, 631, 684, 688, 750; Оп. 3. Д. 96, 246, 307, 496, 534, 722, 794, 908, 919, 950, 1011, 1092, 1122, 1134, 1251, 1318, 1357, 1381.

⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191; Ф. 2556. Оп. 1. Д. 386, 257; Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277; Ф. 7240. Оп. 14. Д. 29, 130, 149.

Глава I. Положение студенток внутри академического сообщества

§ 1. Цифры приема в 1917–1922 гг.

Исходным моментом в понимании масштабов влияния женщин на студенческое сообщество является представление о соотношении количества обучающихся женского и мужского пола.

В дореволюционной России существовала негосударственная высшая женская школа (преимущественно высшие женские курсы), которая не уступала университетам как по численности обучающихся, так и по уровню преподавания⁸⁷. В общей сложности к 1 октября 1917 г. в стране действовало 25 женских вузов, в которых учились 35 тысяч студенток⁸⁸. Надо заметить, что высшая женская школа в России была ориентирована именно на университеты⁸⁹. Женщины стремились учиться в них: в качестве вольнослушательниц они появились в Петербургском университете еще в 50-х гг. XIX века, а после революции 1905–1907 гг. – во всех российских университетах. К 1917 г. среди студентов их было всего 4 %. В целом, к октябрю 1917 г. женщин с университетским образованием в России было столько же, сколько мужчин, и более половины выпускниц составляли историки, филологи и медики⁹⁰. Путь в интеллигентские профессии женщинам был открыт, но доступ в «мужскую» высшую школу носил ограниченный характер. «Мужские», то есть основные вузы в начале XX века испытывали недостаток мест для приема студентов, поэтому женские вузы

⁸⁷ Вахромеева О.Б. Российские университеты и высшее женское образование в России второй половины XIX – начала XX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. С. 279.

⁸⁸ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л., 1984. С. 30.

⁸⁹ Вахромеева О.Б. Российские университеты и высшее женское образование в России второй половины XIX – начала XX в. С. 283.

⁹⁰ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). С. 15.

открывали свои двери всем желающим⁹¹. Действовали и изначально смешанные по составу вузы – например, Петербургская консерватория и Психоневрологический институт. Таким образом начиналась история высшего образования без различия пола.

Законодательно вопрос о предоставлении женщинам права на университетское образование был решен до большевиков: при Временном правительстве высшие женские курсы получили статус университетов. Поступление в высшие учебные заведения осенью 1917 г. осуществлялось при наличии единственного – образовательного ценза⁹². Наконец, советские декреты отменили последние ограничения, началось слияние мужских и женских учебных заведений.

Девушки, поступавшие (или подававшие заявление о восстановлении после перерыва, чтобы «вернуться к науке»⁹³) в первые советские годы в Петроградский университет, часто уже имели высшее образование, начатое и не законченное в других вузах. Некоторые становились студентками Петроградского университета в связи с объединением под эгидой последнего II и III Петроградских университетов (бывшего Психоневрологического института и Бестужевских курсов соответственно). В промежуток после отмены полового ценза и до окончательного слияния высшей мужской и женской школ (т. е. в 1918–1919 гг.) женщины продолжали поступать в женские учебные заведения – например, на Высшие женские курсы. Так, в 1919 г., незадолго до объединения, в III Петроградский университет (ВЖК) поступала дочь академика А.А. Шахматова София⁹⁴. Был ли подобный выбор

⁹¹ *Купайгородская А.П.* Высшее женское образование в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков – условия и факторы развития // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и ст... СПб., 2003. С. 317.

⁹² *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 101.

⁹³ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 386 (Состав студентов Петроградского Университета 1923 г.). Л. 199.

⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1318. Л. 2. Аналогичный случай – студентки общественно-педагогического отделения ФОНа Евгении Якимович, в том же 1919 г. поступившей на историко-филологический факультет Бестужевских курсов (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1381.)

сделан по традиции или из иных соображений, сказать сложно. Университет в глазах многих девушек стоял выше женских курсов. С одной стороны, фактическое равенство в образовательной среде к 1916 г. позволяло девушкам больше не смотреть на студентов «подобострастно», как вспоминает Е. Олицкая⁹⁵. С другой, бытовал взгляд на высшие женские курсы как на «суррогат образования»⁹⁶.

После вступления в силу декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» в Петроградский университет в 1918/1919 учебном году было вновь принято в осеннем семестре 3165 юношей и 868 девушек, всего 4033 человека⁹⁷. Резкий рост численности женщин в университете можно было наблюдать на отдельных факультетах уже в приеме на 1917/18 учебный год. К примеру, в 1916 году юридический факультет принял 338 студентов и 1 студентку, в 1917 году – 640 юношей и 54 девушки⁹⁸.

Отмена всех цензов для поступления в высшие учебные заведения, кроме возрастного, привела к тому, что к лету 1919 г. в университете числилось уже около 20 тыс. учащихся, причем «среди них уже свыше 11 % составляли женщины», а к концу гражданской войны их доля составляла около 70 %⁹⁹. Нужно учитывать мобилизации мужского студенческого состава в годы гражданской войны и приток студенток в связи с объединением университета в 1919 году со II и III Петроградскими университетами.

⁹⁵ Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 65. Олицкая Екатерина Львовна (1900–1974) – деятель партии эсеров (с 1917 г.). С 1924 г. находилась в подполье, была неоднократно арестована, отбывала наказание в ГУЛАГе на протяжении 1929–1956 гг. Написанные после освобождения воспоминания распространялись в СССР в самиздате.

⁹⁶ Пастернак Е.Б. Вступление // Пастернак Б.Л. Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг. М., 2000. С. 9.

⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 130. Л. 54, 87.

⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 130. Л. 40.

⁹⁹ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001. С. 48.

Осенью 1919 г. в университет пришло более чем в два раза больше женщин, чем мужчин – 677 и 302 человека соответственно. Из студенческого состава, формально насчитывавшего в 1919 г. 7424 человек, по архивным данным, в 1919 г. фактически учебную деятельность вели 250–300 человек¹⁰⁰. По данным же официальной статистики, на середину 1919/20 учебного года академическую активность¹⁰¹ проявляли 1689 студенток и 1388 студентов¹⁰². Реальный состав Петроградского университета в 1918–1920 гг. представить трудно, но улавливается тенденция к преобладанию именно женщин среди учащихся – как вновь прибывших, так и продолжавших занятия.

К 1920 г. в Петроградском университете училось 6713 девушек и 6165 юношей. На 1 января 1921 г. доля женщин среди учащихся составляла 52 %. При этом на факультете общественных наук (ФОН) было 60,1 % женщин (мужчин – 39,9 %), на физико-математическом факультете – обратное соотношение, 39 % женщин против 61 % мужчин. Если учитывать, что ФОН был наибольшим по численности студентов факультетом (5574 человек, или 55,5 % всех учащихся), то именно его студентки составляли значительную долю учащихся женщин в университете: 3349 студенток-фоновок составляли 33,3 % всего студенческого состава и 64 % всех студенток¹⁰³. Аббревиатура ФОН в шутку расшифровывалась как «факультет ожидающих невест»¹⁰⁴: и потому, что студенток там было больше, и потому, что их «казалось много от непривычки»¹⁰⁵. Наименее «женским» был физико-математический факультет. Ма-

¹⁰⁰ Единый университет, 1919–1920 // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 71.

¹⁰¹ Под академической активностью при перерегистрации студентов понималась хотя бы минимальная учебная деятельность, а именно – наличие по крайней мере одного сданного зачета в прошлом году или подтвержденная преподавателем текущая учебная работа. Поэтому цифры «академической активности» крайне относительны.

¹⁰² Высшие учебные заведения по данным на 1-е января 1920 года // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. Пг., 1920. С. 121.

¹⁰³ Посчитано нами по данным: Единый университет, 1919–1920 // Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 95, 97.

¹⁰⁴ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 75.

¹⁰⁵ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 110.

тематик Е.С. Вентцель, учившаяся в университете в 1923–1929 гг., была одной из 5 девушек на своем курсе в 280 человек. «Математика считалась “сухим” предметом, а девушка, занявшаяся ею, – этаким вырожденком», но зато «вниманием, – пишет Е.С. Вентцель, – мы пользовались необычайным»¹⁰⁶.

Девушки были не во всех студенческих группах. М.Б. Рабинович, поступивший на правовое отделение ФОНа в 1923 г. по специальности «криминалистика», в воспоминаниях рассказывает, что среди всех групп отделения его группа была полностью мужская. Студенток не было, возможно, из-за отсутствия интереса к специальности, и не исключено, как пишет мемуарист, что таков был «результат намеренной работы деканата»¹⁰⁷.

К началу 1922 г. учащихся женщин насчитывается 7764, мужчин – 2482¹⁰⁸. В начале 1922/1923 учебного года в аудиториях появились первые, немногочисленные¹⁰⁹, выпускники и выпускницы рабфака и, по воспоминаниям, «в большом числе явились студентки. Коридор преобразился»¹¹⁰. Ситуация по университетам всей страны складывалась следующим образом: в 1921/22 учебном году женщины составляли 56,6 % студенческого состава, в 1922/23 учебном году – 52 %¹¹¹.

Так, за годы гражданской войны произошла феминизация студенческого состава Петроградского университета. Наряду с хозяйственными трудностями, структурными преобразованиями и начинавшейся идеологической перестройкой, университет преобразился и под женским «натиском», который

¹⁰⁶ *Вентцель Е.С.* Ленинградский университет в 20-х годах // Е.С. Вентцель – И. Грекова: К столетию со дня рождения. М., 2007. С. 19.

¹⁰⁷ *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 82.

¹⁰⁸ Высшие учебные заведения Петрограда на 1-ое января 1922 г. // Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 287.

¹⁰⁹ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 217.

¹¹⁰ *Назаренко Я.А.* Недавнее былое // На штурм науки. : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971. С. 68.

¹¹¹ Высшие учебные заведения: Таблица 14. Средние и относительные величины // Сборник статистический сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. С. 54.

испытала вся университетская система. Для сравнения, в Казанском университете, по данным Г.Г. Амалиевой, проанализировавшей его студенческий состав в период 1917–1925 гг., в течение этого времени наблюдалось решительное преобладание студенток (64 %), особенно 1919–1921 гг. поступления. И именно женщины преобладали среди тех, кто не смог фактически заниматься¹¹².

В воспоминаниях поступление в университет и обучение в нем изображается как время полной академической свободы.

А.П. Андреева (училась на ФОНе в 1922–1925 гг.) описывает настроение «зеленой» молодежи, со школьной скамьи в начале 1920-х гг. пришедшей в университет: «Мы страстно мечтаем о высшем [образовании], как будто в нас воплотилась жажда знаний всех предшествующих поколений»¹¹³. «Осуществить мечту своей жизни – и поступить в свободный Университет» стремилась и О.М. Фрейденберг, которой тогда было 27 лет¹¹⁴.

З.А. Мартинсен, учившаяся на ФОНе в 1922–1925 гг., вспоминает: «Первый курс университета представляется мне теперь, через призму десятилетий, сплошным праздником души и ума»¹¹⁵. «Кронов век вольности», говорила в воспоминаниях о Петроградском университете 1918–1922 гг. О.М. Фрейденберг, которая в хаосе, творившемся в высшем образовании, ценила возможность свободной познавательной

¹¹² Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. к.и.н. Казань, 2006. С. 20.

¹¹³ Андреева А.П. Мечта осуществилась // На штурм науки... Л., 1971. С. 97.

¹¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 3. Любопытна предыстория ее поступления в университет: в семье О.М. Фрейденберг официальное высшее образование не считалось «высшим благом», и реакция отца на решение дочери получить официальное высшее образование была резко отрицательной. О.М. Фрейденберг пишет, что «предала его идеалы и пала до ценза и цехового знания, до общества профессоров и цеховиков» (Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок. Тетрадь 3–4. Глава 9. Л. 71.). Однако приход в Петроградский университет в далеко не юном возрасте, думается, был сознательным, хорошо обдуманым поступком.

¹¹⁵ Мартинсен З.А. Жили – не тужили // На штурм науки... С. 139.

деятельности¹¹⁶. Сильным впечатлением в памяти многих осталась «необычайная свобода действий и самостоятельность, которая тогда предоставлялась студентам»¹¹⁷. Даже для тех, кто не ставил высшее образование первоочередным пунктом в жизненной программе, а, подобно Екатерине Олицкой, был увлечен политической деятельностью, возможность учиться значила многое: «И все же я была счастлива, попав опять хотя бы на I курс. Уйти в учебу, войти опять в студенческую среду...»¹¹⁸.

Первый прием рабочего факультета Петроградского университета (1919 г.), который позиционировался как равноправный с другими факультет, состоял почти из равного количества студентов и студенток¹¹⁹. На 1 января 1920 г. на рабочем факультете обучались 95 мужчин (55,2 %) и 77 женщин (44,8 %) ¹²⁰. В течение 1919/1920 уч. г. на рабфак шел постоянный прием абитуриентов, и к 1 сентября 1920 г. на нем числилось 366 рабфактовцев и 232 рабфактовки – то есть мужская часть составляла теперь почти две трети (61,2 %) ¹²¹. На протяжении ближайших трех лет, по подсчетам на середину учебного года, количество слушателей рабфака колебалось в пределах 53–56 %, а слушательниц – 43–46 % ¹²². На 1 января 1922 г., по официальным данным, на рабфаке училось 1027 мужчин (58 %) и 737 женщин (42 %) ¹²³.

¹¹⁶ *Фрейденберг О.М.* Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 145.

¹¹⁷ *Житомирова Н.Н.* Так мы и вырастали // На штурм науки... С. 166.

¹¹⁸ *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 160.

¹¹⁹ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 205.

¹²⁰ Сведения о составе студентов Рабочего Факультета Петроградского Университета за 1919, 1920, 1921 и 1922 год // Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 5.

¹²¹ Рабочий факультет Петроградского Университета (На 1 сентября 1920 г.) // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 2. Пг., 1920. С. 99.

¹²² Сведения о составе студентов Рабочего Факультета Петроградского Университета за 1919, 1920, 1921 и 1922 год // Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 5.

¹²³ Высшие учебные заведения Петрограда на 1-ое января 1922 г. // Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 287.

В профессорско-преподавательском составе с точки зрения соотношения полов не произошли такие радикальные изменения, как в среде студенчества. В 1918/1919 учебном году среди 98 человек личного состава всех кафедр историко-филологического факультета женскую половину представляла О.А. Добиаш-Рождественская (доцент, кафедра всеобщей истории), О.К. Недзвецкая (приват-доцент, кафедра всеобщей истории), Ю.В. Петровская (приват-доцент, кафедра русского языка и словесности), М.А. Островская (приват-доцент, кафедра русской истории), М.И. Максимова (приват-доцент, кафедра истории и теории искусств), А.П. Абель (младший ассистент, кафедра сравнительного языкознания и санскрита)¹²⁴. Среди кандидатов на занятие штатных профессорских и преподавательских должностей на ФОНе в 1919–1920 учебном году значились О.А. Добиаш-Рождественская, преподаватель новой истории III Петроградского университета, слитого с I Петроградским университетом, Н.С. Враская-Боткина и уже упомянутые О.К. Недзвецкая и М.И. Максимова¹²⁵. К началу 1920 г. педагогический персонал всего университета состоял из 314 мужчин и 45 женщин. Среди «оставленных для подготовки к профессорской деятельности» был 121 мужчина и 31 женщина¹²⁶. На 1 января 1922 г. на факультете общественных наук числилось 2 профессора, 11 преподавателей и 3 ассистента женского пола (против 117 профессоров, 64 преподавателей и 5 ассистентов мужского пола)¹²⁷. В начале 1922 г. в штате профессоров и преподавателей по всему университету числилось 411 мужчин и 85 женщин¹²⁸.

¹²⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 29. Л. 24–26.

¹²⁵ Единый университет, 1919-1920 // Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 199 об.

¹²⁶ Высшие учебные заведения по данным на 1-е января 1920 года // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. Пг., 1920. С. 120.

¹²⁷ Статистика (преподаватели, администрация, студенты). ФОН на 1 января 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 149. Л. 28.

¹²⁸ Высшие учебные заведения Петрограда на 1-ое января 1922 г. // Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 287.

Выразительный образ О.А. Добиаш-Рождественской – профессора кафедры истории средних веков (в 1919–1929 и 1934–1939-е гг.) создала в воспоминаниях искусствовед и библиограф Публичной библиотеки О.Б. Враская, поступившая в университет в 1922 г.: «Говорила О. А. необыкновенно хорошо, ее лекции поражали яркостью красок, изысканной образностью, живым и вдохновенным восприятием прошлого – и при этом они были очень продуманно и четко построены. О.А. не была красива в обычном смысле слова, но выражение ее лица, глаз было настолько значительным и одухотворенным, что она казалась нам прекрасной»¹²⁹.

Контрастный литературный портрет единственной на физико-математическом факультете женщины-профессора (в 1919–1929) Н.Н. Гернет рисуется в воспоминаниях Е.С. Вентцель: «Внешне она напоминает колокол, но взбесившийся. Широчайшее черное платье до полу, резко расширяющееся книзу, перепачканное белое кружевное жабо на обширной груди, пенсне на широкой цепочке, болтающееся где-то около талии. <...> Мы, студенты, любили ее чрезвычайно. Со всеми своими фокусами, с языком на подбородке, с криками и причитаниями <...> Каждый мог рассказать ей свое малое, личное неблагополучие, свою надежду, свой неуспех»¹³⁰.

§ 2. Отношение профессорско-преподавательского состава к студентам

Двойственное отношение к учащейся женщине как в обществе в целом, так и в профессорско-преподавательской среде имело свою дореволюционную, хорошо ныне исследованную¹³¹, историю. Позиция тех, кто придерживался либеральных взглядов на женское образование, не была единой. Так, даже либерально настроенные деятели науки «поддерживали идею коорди-

¹²⁹ Враская О.Б. Из воспоминаний об О.А. Добиаш-Рождественской // *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 311.

¹³⁰ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х гг. С. 29–30.

¹³¹ См., например: *Веремко В.А.* Женщины в русских университетах (во второй половине XIX – начало XX века.). СПб., 2004.

нации деятельности основных и женских университетов, но были против их слияния». Такую же позицию занимали многие курсистки¹³².

Известно, что еще в 1916 г. историко-филологический факультет Петроградского университета выказал свое положительное отношение к приему женщин в университет на равных правах с мужчинами. Единственной оговоркой было условие их приема по остаточному принципу, то есть только на оставшиеся после основного – мужского – приема места¹³³. Демократизм профессуры имел свои пределы.

После уравнивания женщин и мужчин в правах на получение высшего образования контингент студенток Петроградского университета быстро стал внушительным. Интересно проследить реакцию профессорско-преподавательского состава на разнополую студенческую аудиторию, в частности, ее женскую половину. Судя по источникам личного происхождения, реакция была и нормальной, и конфликтной.

По воспоминаниям студентки ФОНа З.А. Мартинсен, профессор В.И. Зазерский¹³⁴ испытывал «скептическое отношение к бухгалтерским познаниям студенток», равно как в возможности постижения статистической науки сомневался «женоненавистник» преподаватель А.К. Митропольский. О сдаче ему экзамена мемуаристка замечает: «ни один “вуд” мне не доставил такого удовольствия, как этот, взятый с бою»¹³⁵.

¹³² *Купайгородская А.П.* Женское образование в России – проблема и решение // Российские женщины и европейская культура. СПб., 1994. С. 63.

¹³³ *Купайгородская А.П.* Высшее женское образование в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков – условия и факторы развития // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и ст... СПб., 2003. С. 317–318.

¹³⁴ Зазерский Владимир Иванович (1874–1942) – ученый-экономист, основоположник изучения бухгалтерских дисциплин в Петербургском политехническом институте и Петроградском университете (1922–1925), стоял у истоков бухгалтерской экспертизы в России (*Дмитриев А.Л.* Владимир Иванович Зазерский и развитие бухгалтерского учета // *Нестор: Ежекварт. журн. истории и культуры России и Вост. Европы.* 2008. № 4: Деятели русской науки XIX–XX веков. С. 156–165.).

¹³⁵ *Мартинсен З.А.* Жили – не тужили // На штурм науки... С. 144. Митропольский Аристарх Константинович (1888–1977) – российский и советский статистик и математик.

Профессор А.И. Введенский¹³⁶, преподававший до революции в нескольких женских учебных заведениях, тем не менее отказывался признавать у женщин способности к занятиям философией. Д.С. Лихачев вспоминает, что на экзаменах по логике «зачет» студенткам он ставил, не экзаменуя их по факту. Впрочем, среди студенток его лекции пользовались большой популярностью¹³⁷.

О полном равнодушии профессора И.М. Виноградова¹³⁸ к женской части студенческой аудитории, с которой он «попросту не общался», без малейшей доли упрёка пишет Е.С. Вентцель, которая была под его научным – лишь формальным – руководством. Несмотря на отсутствие контакта, она была «рада, что с ним соприкоснулась. Ощущение гениальности – тоже кое-чего стоит»¹³⁹.

Реакция студенток на преподавательский скепсис варьировалась, судя по характеру изложения соответствующих эпизодов в воспоминаниях, от спокойно-любопытствующей до возмущенно-боевой. Более «агрессивным» можно назвать настрой против профессоров – «женоненавистников» авторов советского сборника воспоминаний «На штурм науки». Примером спокойного отношения может послужить мемуарный текст Е.С. Вентцель, опубликованный в несоветское время. В невнимании и пренебрежении к студенткам со стороны некоторых лекторов она не видит особой проблемы, но при этом открыто заявляет (правда, не в очерке, посвященном Ленинградскому университету, а в другом автобиографическом эпизоде) о своих феминистских взглядах. По ее словам, она «всю жизнь жила под давлением одной и той же

¹³⁶ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – с 1890 по 1925 гг. профессор кафедры философии историко-филологического факультета (ФОН с 1919 г.) (Введенский Александр Иванович [Электронный ресурс] // Проект «Биографика СПбГУ». Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/189.html> (дата обращений: 10.05.2017)).

¹³⁷ Лихачев Д.С. Воспоминания. С. 114.

¹³⁸ Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983) – профессор Ленинградского университета в 1925–1934 гг.

¹³⁹ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х годах // Е.С. Вентцель – И. Грекова: К столетию со дня рождения. М., 2007. С. 35.

мысли: “Не быть хуже мужчин! Не отстать от них, чего бы это ни стоило!” <...> Быть в жизни равной с мужчинами, кое в чем даже превосходить их – вот что было моим флагом, девизом моей юности, зрелости, отчасти поздних лет»¹⁴⁰. Поступление на физико-математический – совсем не девичий – факультет стало для автора своеобразным способом борьбы со стереотипами.

Судя по воспоминаниям, симпатия студенток к профессорам и преподавателям нередко переходила во влюбленность. Характерен текст той же Е.С. Вентцель. Она подробно описывает внешность и привычки любимых лекторов, свои эмоции в их присутствии. Так, в рассказе о математике Г.М. Фихтенгольце¹⁴¹ отмечены манеры очень воспитанного, интеллигентного человека, мягкость и даже галантность в общении с женской аудиторией и конкретно с Е.С. Вентцель («улыбнется так приветливо, что я след этой улыбки ношу в себе целую неделю»; «улыбается так прелестно, что потом долго-долго чувствуешь себя счастливой», «Мы были (не только девочки, но и мальчики) бессовестно в него влюблены»)¹⁴². Не раз Е.С. Вентцель упоминает, как краснела перед ним и другими мужчинами-преподавателями. При этом она признается, что симпатия стимулировала ее интерес к учебе. Благотворное влияние на студентку оказывали и те, кто холодно относился к «барышням», как, например, И.М. Виноградов.

В галерее профессорских портретов, созданных в воспоминаниях О.М. Фрейденберг, обнаруживаются только харизматичные и яркие личности. Профессор Ф.Ф. Зелинский¹⁴³ изображается окруженным «десятком восторженных девиц. Его наружность, как я ни пристрастна, импонирует мне. Это

¹⁴⁰ Вентцель Е.С. <Автобиографические фрагменты> // Е.С. Вентцель – И. Грекова: К столетию со дня рождения. С. 16.

¹⁴¹ Фихтенгольц Григорий Михайлович (1888–1959) – математик, с 1918 г. преподавал в Петроградском университете (с 1929 г. профессор), основал кафедру математического анализа в 1953 г.

¹⁴² Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х годах. С. 25.

¹⁴³ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) – профессор кафедры классической филологии в 1887–1922 гг. В 1922 г. покинул университет, эмигрировал из России.

высокий, гримирующийся под Олимпийского Зевса, муж»¹⁴⁴. Медиевист Л.П. Карсавин¹⁴⁵ «носил длинные взволнованные волосы, и его черные глаза, черная шевелюра сводили с ума курсисток»¹⁴⁶. Говоря о профессоре Г.Ф. Церетели¹⁴⁷, О.М. Фрейденберг отмечает его «красивую внешность и аристократическую приятность обращения»¹⁴⁸.

Профессора, если судить по женским воспоминаниям, отнюдь не пренебрегали вниманием женской аудитории и в целом относились к ней несколько иначе, чем к мужской. Свое знакомство с Ф.Ф. Зелинским О.М. Фрейденберг описывает так: «В перерыве Зелинский подошел ко мне, прямо и близко, с той властной мужской мягкостью, которая не допускает у женщин внутреннего отпора. Он коснулся рукавом моего рукава, почти налезая на меня, позволяя себе свободно и красиво этот интимный жест; и он вышел у него так хорошо, что мое женское сердце дрогнуло»¹⁴⁹.

Профессора С.А. Жебелева О.М. Фрейденберг, работавшая в его семинарии, в воспоминаниях называет «закоренелым женоненавистником и аскетом», крайне строгим, впрочем, не только к студенткам, но и к студентам, по-

¹⁴⁴ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 3–4. Глава 6). Л. 43.

¹⁴⁵ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – с 1918 профессор кафедры всеобщей истории, с 1921 г. профессор общественно-педагогического и правового отделений факультета общественных наук (ФОН), председатель общественно-педагогического отделения. В 1922 г. выбывает из состава преподавателей университета в связи с арестом и высылкой из страны (Карсавин Лев Платонович [Электронный ресурс] // Проект «Биографика СПбГУ». Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/747.html> (дата обращения 30.04.2017)).

¹⁴⁶ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 5–6. Глава 17). Л. 24.

¹⁴⁷ Церетели Григорий Филимонович (1870–1938) – профессор отделения классической филологии в 1914–1920 гг.

¹⁴⁸ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 3–4. Глава 6). Л. 45.

¹⁴⁹ Там же. Л. 44.

этому важно было «завоевать его доверие»¹⁵⁰. В целом, для О.М. Фрейденберг тема отношений с профессорами является болезненной из-за ее неудачно окончившейся любви к профессору И.И. Толстому, отношениям с которым посвящены многие фрагменты автобиографических записок. Здесь обнаруживается другая плоскость отношений учащихся и учащихся – романтическая. Как заметила публикатор научного и мемуарного наследия О.М. Фрейденберг Н.В. Брагинская, для женщины, строящей научную карьеру, о каком бы историческом периоде ни шла речь, влюбленность в наставника – «типовая ловушка». Особенно характерной она считает подобную ситуацию для первых поколений женщин-ученых¹⁵¹.

В русле размышлений о романах мужчин-преподавателей со своими ученицами – романах, которые, по ее словам, были нередки и нередко «трагически кончались», О.М. Фрейденберг вспоминает о профессоре Л.К. Ильинском¹⁵², а также о спорном статусе симпатичного ей Ф.Ф. Зелинского, который он обрел еще во время преподавания на Высших женских курсах¹⁵³.

В изложении записок О.М. Фрейденберг ее отношения с университетскими мужчинами – и профессорами, и студентами – выстраивались, с одной стороны, на основе симпатии и уважения, а с другой – по линии бескомпромиссной вражды, академического и чисто личного противостояния, которое красной нитью прошло через всю ее жизнь. Академическим «мерзавцам», каковыми оказались не профессора и даже не студенты с точки зрения их формального статуса, а коллеги О.М. Фрейденберг по жебелевскому семинарию, давно окончившие университет, – мемуаристка уделяет значительное

¹⁵⁰ Там же. Л. 47.

¹⁵¹ *Брагинская Н.В.* Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // *Человек*. 1991. № 3. С. 141.

¹⁵² *Фрейденберг О.М.* Университетские годы. С. 149. Ильинский Леонид Константинович (1878–1934) – литературовед, историк русской литературы. С 1916 г. приват-доцент историко-филологического факультета, с 1919 по 1921 гг. профессор факультета общественных наук Петроградского университета.

¹⁵³ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия записок (Тетрадь 3. Глава 6). Л. 45; См. также: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 158–160.

внимание. В целом, ее манера повествования об университете и связанных с ним людях очень эмоциональна и субъективна.

Не имея возможности сослаться на какое-либо социологическое обследование профессуры Петроградского университета в первые годы после революции, можно по воспоминаниям бывших студенток составить впечатление, что в целом отношение к ним со стороны профессорско-преподавательского состава не было каким-то исключительным. Университет и до революции был известен своей либеральной позицией в женском вопросе. Среди сторонников получения женщинами высшего образования и в до-, и в постреволюционный период были такие выдающиеся университетские ученые и преподаватели, как И.М. Гревс¹⁵⁴, А.И. Заозерский¹⁵⁵, С.Ф. Платонов¹⁵⁶, Е.В. Тарле¹⁵⁷.

Дифференцированное отношение к студенткам могло быть связано с их социально-классовой принадлежностью. Подобная дискриминация после 1918 г. касалась и студентов. В 1924 г. автор журнального очерка о повседневной жизни в Ленинградской консерватории не без идеологической предвзятости отмечал «подхалимство, мерзкое угодничество, с одной стороны, а с другой – унтер-офицерское отношение некоторых лиц к студентам и студенткам», которые, по его словам, делились на «расы» «породистых» и «простых». Из своих наблюдений анонимный публицист, сам, по-видимому, студент консерватории, делает вывод, что на женский студенческий контин-

¹⁵⁴ Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета (с 1919 г. – ФОНа) в 1907–1923 гг.

¹⁵⁵ Заозерский Александр Иванович (1874–1941) – приват-доцент (1915–1918), профессор (1918–1923) кафедры Русской истории.

¹⁵⁶ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – профессор кафедры Русской истории в 1918–1927 гг.

¹⁵⁷ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – профессор кафедры Всеобщей истории в 1918–1930 гг. О его участии в «кружке молодых историков», объединявшем университетскую молодежь и по составу включавшем мужчин и женщин примерно в равном соотношении, вспоминает Н.С. Штакельберг, отмечая, что «Тарле был близок к университетской молодежи, очень равнодушен к ее женской части вообще <...> и не казался нам старым» (*Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In Мемогіам: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1999. С. 36.*)

гент, «неустойчивую публику», подобная избирательность «действует разлагающе: у них развивается рабская покорность и все скверное, отсюда вытекающее». Примеров разлагающего действия в тексте нет. Завершает его образ ненавистных автору студентов из состоятельных семей, которые «целуют ручки повыше локтя своим упитанным и по последнему парижскому журналу одетым “пролетаркам”»¹⁵⁸.

§ 3. Учебная и внеучебная повседневность

Е. Олицкая в своих воспоминаниях о 1916 г., когда она поступила Сельскохозяйственный институт в Петрограде, без подробностей отмечает, что «совместное обучение накладывало своеобразный отпечаток»¹⁵⁹, было одним из главных достижений высшей школы в борьбе за автономию. В чем заключалось это своеобразие?

По источникам можно описать две сферы взаимодействия в разнополой студенческой среде: учебную и внеучебную.

По документам из личных дел студенток, принятых в Петроградский университет в 1917–1919 гг., складывается впечатление, что их уровень образовательной подготовки был достаточно высок. Среди рассмотренных личных дел не встречалось таких, где бы отсутствовали документы о среднем образовании, несмотря на то, что образовательный ценз был отменен декретом 2 августа 1918 года. Высокий средний балл гимназических аттестатов и студенческих матрикулов говорит о том, что, несмотря на декларацию свободного приема, в университет шли не случайные люди.

Проблема академического неравенства возникает в достаточно специфическом случае О.М. Фрейденберг. Не имея необходимой языковой подготовки (среднее образование она получила не по программе мужской классической гимназии), начав изучение греческого языка только в университете, она чувствовала, что не может держаться на равных с участниками семинария профессора Жебелева, которые к тому же на тот момент окончили уни-

¹⁵⁸ О. Больное в Ленинградской Консерватории // Красный студент. 1924. № 10–11. С. 31.

¹⁵⁹ Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Т. 1. С. 87.

верситетский курс¹⁶⁰. С обидой мемуаристка пишет, что как специалист среди них, относившихся к ней «с иронической снисходительностью», она «не котировалась»¹⁶¹.

Разительной противоположностью университетской аудитории по своему культурно-образовательному уровню была аудитория рабочего факультета, организованного при Петроградском университете в 1919 г. Однако рабфак вовсе не был социально и даже идеологически монолитным образованием в структуре университета, что подтвердила «чистка» 1922 г.¹⁶² В плане подготовки более слабая часть состава рабфака была именно женская, академическая неуспеваемость становилась для рабфаковок наиболее частой, хотя обычно не единственной причиной исключения. В архивных материалах по «чистке» рабфака университета и других вузов Петрограда в 1922 г. академические основания для исключения имели следующие формулировки: «тупа», «занимается с большим трудом», «слабые способности» и тому подобные. Сопровождали их указания на «мещанскую психологию», «политическую невоспитанность», отсутствие производственного стажа, «отсутствие пролетарского настроения» и другие недостатки¹⁶³. В одном из своих многочисленных протестных заявлений в Мандатную комиссию Петроградского отдела профессионального образования (Петропрофобра) рабфаковка Парамонова честно признавалась: «<...> переход от физического труда к умственному был для

¹⁶⁰ Присутствие их в университете можно объяснить как попытку поддержать привычную интеллектуальную и даже социальную среду в условиях хаоса. Одной из форм общения служили семинарии, которые «оказывались подходящим средством для складывания неформальных коммуникаций» (*Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 157–158.).

¹⁶¹ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 3–4. Глава 14). Л. 127.

¹⁶² *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917-1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 215–216.

¹⁶³ Протокол № 8 Заседания Центральной Мандатной Комиссии по пересмотру состава студентов рабфаков (1922). Заявления студентов рабфака при Университете Смольнинского отделения // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 218–219 об.

меня тяжел, но не способной я себя не считаю»¹⁶⁴. Другая рабфаковка, исключенная по причине наличия у нее среднего образования, заявляла: «...хоть я училась раньше и окончила 5 классов гимназии, но это еще не значит, что мне это [учение на рабфаке] ничего не стоит...»¹⁶⁵. Со временем уровень академической подготовленности рабфаковок повышался: если в первом выпуске рабфака (1921 г.) из 27 человек были лишь две девушки, то в следующем году они составили почти половину: 24 человека из 61¹⁶⁶.

Стремление молодежи, особенно ее женской половины, к образованию не всегда поощрялось в официальном дискурсе. На страницах студенческой печати шла борьба сторонников и противников академизма. Рвение к «граниту науки» пролетарских студентов, не готовых к большим образовательным нагрузкам из-за нехватки базовых знаний, – их «неискушенность в науке, непривычность к книге», по мнению одного из корреспондентов журнала «Красный студент», порождало «ненавистный нам академизм, приращение к книге и отсутствие интереса к окружающей общественной обстановке»¹⁶⁷. Поэтому некоторые из исключенных по академической проверке как не справившиеся с учебной программой – при всем желании ее одолеть – парадоксальным образом оказывались в «черном списке» по другому основанию – за «учебную премудрость».

Проблемы высшего образования и образованности женщины в 1920-е гг. не особенно часто обсуждались на страницах как студенческой, так и женской печати, подконтрольной партии. «Журнал для женщин», один из двух женских журналов дореволюционного происхождения, продолжавших изда-

¹⁶⁴ Заявление // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 261.

¹⁶⁵ Заявление // ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 338–338 об.

¹⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 11.

¹⁶⁷ *Товаровский Б.* Учет наших настроений... (по поводу проектируемой анкеты врача Л. Васильевского) // Красный студент. 1923. № 5. С. 28.

ваться после 1917 г.¹⁶⁸, отмечал в 1924 г. традиционную склонность учащейся женщины «к абстрактным и гуманитарным наукам». Автор заметки сетовал, что женщина слишком увлечена процессом обучения, не думает о практическом применении своих знаний. Отношение женщин к образованию публицист характеризует «отсутствием энергии и настойчивости», что происходит, на его взгляд, как по психологической, так и по исторической причине¹⁶⁹.

В стенах университета образовывались очень разные круги общения молодежи. Если для студентки Н.И. Гаген-Торн ближайшими университетскими приятелями были ее прежние товарищи по ОСУЗу – Организации средних учебных заведений, объединявшей политизированную молодежь школьного возраста, то в компании О.М. Фрейденберг разговоров о политике не было, в нее входили взрослые молодые люди: «ультра-интеллигентная девица Векслер и двое молодых психиатров – Андреевский, в стиле Добролюбова, и Иванов-Смоленский, ныне профессор-психиатр, а тогда самонадеянный, высокий и стройный сердцеед». О.М. Фрейденберг вспоминает, что они «философствовали, читали, вместе ходили и посещали занятия, и все это с известным холодком, без амикошонства или глубокого сближения»¹⁷⁰.

Одной из наиболее острых и популярных тем общественной дискуссии 1920-х гг. был «половой вопрос», проблемы любви и брака в молодежной, в том числе студенческой, среде¹⁷¹. Этот «больной вопрос» современности за-

¹⁶⁸ *Симонова О.А.* Женские журналы в начале XX в.: критика, рецепция, полемика // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 1 (74). С. 26.

¹⁶⁹ *Горский Р.* Условия высшего образования женщины // *Журнал для женщин.* 1924. № 6. С. 2.

¹⁷⁰ *Фрейденберг О.М.* Университетские годы // *Человек.* 1991. № 3. С. 147.

¹⁷¹ См.: *Рожков А.Ю.* «Пролетарии всех стран, не размножайтесь!» // *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 353–365.

нимал немало места на страницах студенческой печати¹⁷², его касаются и авторы воспоминаний. Е.С. Вентцель не раз возвращается в тексте к мысли, что ее поколение гордилось новыми ценностями, новым укладом жизни: «Никаких торжеств, никаких “свадеб”. <...> Не стесненные никакими правилами, мы жили сами для себя, никому ни в чем не отдавая отчета»¹⁷³. Н.И. Гаген-Торн, увлеченная в студенческие годы идеей коммуны, говорит, что руководствовалась тем, что «любовь приходит и уходит, но не она строит жизнь»¹⁷⁴. Не редки воспроизведенные по памяти диалоги «о дружбе, любви и товариществе».

На студенческую брачность оказывала влияние не только теория свободной любви, но и объективные демографические процессы. П.Я. Кочина, например, пишет, что многие ее подруги с Высших женских курсов не вышли замуж, так как «студенты развеялись по ветру», то есть были мобилизованы или покинули университет по другим причинам, как и все учащиеся во время гражданской войны¹⁷⁵. Обсуждая возможность и условия жизни студенческих семей, авторы публикаций в периодической печати 1920-х гг. сетовали на неприемлемость этих условий. В частности, Бюро Студкоров призывало организовать при высших учебных заведениях ясли и детские дома, увеличить стипендию беременным и кормящим студенткам – в целом, им «должна быть

¹⁷² Любопытная дискуссия, рожденная литературным воображением автора, но отнюдь не в отрыве от реальных разговоров, разворачивалась на страницах журнала «Молодая гвардия» в 1923 г. Один из спикеров мужского пола призывал жить, «покуда можется», и любить, «покуда любитя, и – бог тебе судья!» - а его оппонентка, разоблачая «мещанскую психологию» юноши и защищая честь учащейся женской молодежи, хотела бы ожидать от студентов «только одного: самого серьезного, самого вдумчивого, а следовательно, и самого человеческого отношения со стороны представителей более благополучного [sic!] пола к жертвам <...> социальной несправедливости» (*Лепешинский П.В.* В вольно-дискуссионном клубе. Проблема любви // Молодая гвардия. 1923. № 1 (8). С. 94–111.).

¹⁷³ *Вентцель Е.С.* Ленинградский университет в 20-х годах. С. 20.

¹⁷⁴ *Гаген-Торн Н.И.* Мемория. С. 55–56.

¹⁷⁵ *Кочина П.Я.* Наука. Люди. Годы. С. 94.

дана возможность иметь ребенка, без ущерба для учебы и без необходимости «заняться семьей»»¹⁷⁶.

Как указывают Н.Б. Лебина и М.В. Шкаровский, проблемы студенческой любви обострились под влиянием нескольких факторов. Во-первых, на традиционный студенческий образ жизни и быт повлияла культура студентов-пролетариев, «завоевавших» высшую школу. Во-вторых, к вольнице располагали экстремальные бытовые условия. Наконец, произошел резкий приток женщин в вузы. В результате «свободные, необременительные отношения процветали среди рабфаковцев и студенчества, и отнюдь не “белоподкладочного”, столь знаменитого своими традициями бесшабашной гульбы и кутежей»¹⁷⁷.

Если верить мужским воспоминаниям, то присутствие девушек в учебной и внеучебной повседневности могло оказывать и облагораживающее действие на юношей. По крайней мере реже в присутствии женщин звучала ненормативная лексика, студенты уважительнее относились друг к другу. «Вольности», которые упоминает М.Б. Рабинович, рассказывая о своей полностью мужской студенческой группе правоведов-криминалистов, в смешанном обществе, по его же замечанию, были невозможны¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Л.П. Большое... // Красный студент. 1924. № 2. С. 26.

¹⁷⁷ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 171.

¹⁷⁸ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. С. 83.

Глава II. Социальный, политический и культурный портрет студенток

§ 1. Партийность и общественно-политическая активность учащихся девушек

В воспоминаниях бывших бестужевок, учившихся в начале XX века, есть мотив противостояния студенческих «субкультур» академисток и партийных курсисток в стенах ВЖК. Эти общности отличала не только степень участия в политической жизни страны, но и внешний вид их представительниц. Портрет партийной курсистки в воспоминаниях бестужевки-академистки – это тенденциозный образ неряшливой, грубоватой, неизящной, обычно курящей барышни, далекой от учебного процесса. А.М. Кононова пишет, что из-за партийных студенток «многие патриархальные семейства боялись отправлять своих дочерей в высшие учебные заведения, боясь пагубного влияния “передовых” курсисток на их молодежь»¹⁷⁹.

В годы революции и гражданской войны политически активная молодежь не успевала учиться. Е. Олицкая, поступившая в 1916 г. в Сельскохозяйственный институт в Петрограде, вскоре его оставила, уехав в Харьков, – в целом за годы гражданской войны она несколько раз меняла место жительства и учебное заведение. В 1917 г. Олицкая вступила в партию эсеров, принимала деятельное участие в общественных, в т. ч. студенческих, организациях, в Харькове поступила в Ново-Александровский сельскохозяйственный институт, но вскоре вернулась в Петроград, куда «ехала с твердым намерением взяться за учебу – грызть гранит науки!». Характерно признание автора в том, что при всем желании учиться «действительность была против него. В

¹⁷⁹ Кононова-Милославская Александра Михайловна (1900–1973) – педагог, организатор в Париже Общества бывших бестужевок, силами которого был издан сборник воспоминаний выпускниц ВЖК (Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках : Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. Т. 3. С. 604.). Кононова А.М. О моих далеких счастливых студенческих годах // Наша дань Бестужевским Курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 54. См. также: Созонович-Кожина М.И. О Бестужевских Курсах // Там же. С. 131–134.

Петрограде жизнь захлестнула нас»¹⁸⁰. В 1922 г. Е. Олицкая оказалась на Пречистенских курсах в Москве, а с их закрытием (1923) – в Промышленно-экономическом институте им. Бабушкина, откуда вскоре была исключена.

По-иному значение революционных событий в своей жизни интерпретирует П.Я. Кочина: «Октябрьская революция не нарушила хода наших занятий»¹⁸¹. Тема политики, партии и революции в ее воспоминаниях, изданных в советское время, сведена к бытовому аспекту. Всегда сторонившаяся политики О.М. Фрейденберг впоследствии вспоминала о послеоктябрьских буднях: «Жизнь шла своим чередом, и никто не обращал на большевиков ни малейшего внимания»¹⁸². В этой и других репликах мемуаристка не скрывала своего презрения к власти. «Я сужу “по обывательски”, не видя величия крупной эпохи. Да, не вижу», – напишет она спустя много лет после событий 1917–1922 гг.¹⁸³ Пережившая сталинские «чистки» О.М. Фрейденберг в своих мемуарных записках, написанных в 1930–50-е гг. целенаправленно «в стол», сводила счеты с властью. Очевидно, что реальный политический «параметр» персонажа трудно вычислить, исходя из сказанного в воспоминаниях, так как в них действует «авторская установка»¹⁸⁴.

Известно, что в Петроградском университете значительная часть студенчества к 1917 г. была политизирована, выказывала симпатии кадетской партии, и в первые годы после большевистского переворота настроение в университете было явно антикоммунистическим¹⁸⁵. На протяжении 1920-х гг.

¹⁸⁰ Олицкая Е. Мои воспоминания. С. 67.

¹⁸¹ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. С. 51.

¹⁸² Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 3–4. Глава 9). Л. 68.

¹⁸³ Архив О.М. Фрейденберг. Машинописная копия автобиографических записок (Тетрадь 3–4. Глава 9). Л. 69.

¹⁸⁴ Жуковская Т.Н. Русская мемуаристика первой трети XIX века : Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2006. С. 6.

¹⁸⁵ Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 139; Кунайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти. С. 130.

большая часть советского студенчества оставалась беспартийной. Отношение этой молодежи к «правлящей верхушке», а также к студентам – активистам, которые где-то «наверху» делали «свою полупонятную “общественную работу”», в изложении Е.С. Вентцель, было «скорее снисходительное, юмористическое»¹⁸⁶. Судя по всему, автор сторонилась политических интриг, не вникала в идеологические споры и не была одинока в оценке происходящего.

В студенческой печати поднималась проблема политической пассивности студенток, решить которую призывались женотделы и женбюро в высших учебных заведениях. Тексты агитировали за «повышение активности девчат» разными методами: привлечением студенток к общественной деятельности организаций, в которых те проходили практику, стипендиальным поощрением¹⁸⁷.

Эпоха идеологического натиска на университет началась формально в 1919 г., когда был организован рабочий факультет, реально в 1921 г., когда началось командирование в вузы благонадежных молодых людей, проведение «чисток» (они же – «перерегистрации»), состоялся первый выпуск рабфака. Современным студентом, с точки зрения советской власти, был «рабфаковец, рабочий, коммунист, комсомолец»¹⁸⁸. Благодаря тому, что партийных студентов на основных факультетах и даже на рабфаке вначале было крайне мало, коммунистически настроенные юноши и девушки быстро находили друг друга в толпе – по крайней мере, так им казалось спустя десятилетия. Историк партии¹⁸⁹ К.Г. Шариков, вспоминая о первых днях учебы на факультете об-

¹⁸⁶ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-е годы. С. 24–25.

¹⁸⁷ П-ва. О работе среди студенток // Красная молодежь. 1925. № 5 (9). С. 147–148.

¹⁸⁸ Из доклада заместителя наркома просвещения И.И. Ходоровского в ЦК РКП(б) «О состоянии вузов РСФСР на 1 февраля 1925 г.» – о сети вузов, новых методах преподавания, настроении студенчества и професуры (6 февраля 1925 г.) // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 2: Документы и материалы 1921–1927. М., 1984. С. 86.

¹⁸⁹ Судя по соавторству сборника: Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны : 1914–1917 годы : сб. матер. и док. / сост. А.Б. Беркович и К.Г. Шариков; под ред. В.А. Быстрякова; Лен. ин-т истории ВКП(б). Л., 1939.

ественных наук (учился в 1922–1926 гг.), описывает не случайное студенческое знакомство, а именно с партийной студенткой: «”Вы коммунистка?” – спросил я ее без всяких обиняков. “Да, так же, как и вы – коммунист. Это я сразу почувствовала”, – услышал я в ответ. Так мы познакомились. Моей случайной соседкой оказалась член РКП(б) Роза Чернина, студентка ФОНа»¹⁹⁰. Согласно личной служебной карточке, Р.С. Чернина вступила в РКП(б) в 1920 г., когда ей был 21 год, происходила из семьи преподавателя (из трудовой интеллигенции), училась в те же годы, что и К.Г. Шариков, а после окончания поступила в штат университетских служащих – сначала младшим, затем старшим ассистентом в Кабинете ленинизма при факультете языкознания и материальной культуры (ЯмФаке)¹⁹¹.

Бывшая студентка ФОНа Р.И. Маркова (училась в 1921–1924 гг.) вспоминает о своей университетской дружбе с девушкой из дворянской семьи. По словам Марковой, над своими родителями эта студентка смеялась, их дворянское «мышление» презирала, даже была кандидаткой в комсомол. Она восхищалась своим характером и красотой: «Упрямый лоб, гладко зачесанные волосы с пучком на затылке, голубые выразительные глаза, всегда ироническая улыбка, скромно одетая, – она очень привлекала к себе. В те дни я смотрела на нее как на героиню»¹⁹². Спустя непродолжительное время эта девушка примкнула к кадетам, и дружба «красной» и «белой» студенток кончилась¹⁹³. Настоящие дружеские отношения между людьми разных политических взглядов, в призме советских идеологически выверенных воспоминаний, были невозможны. В то же время круг знакомых и приятелей Н.С. Штакель-

¹⁹⁰ Шариков К.Г. Университет на подъеме // На штурм науки... С. 27.

¹⁹¹ Чернина Роза Семеновна [Личная карточка, 1928–1929] // ОА СПбГУ. Ф. 1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава за 1920–1940-е гг. Л. 1311–1311 об. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/1311-1311ob.pdf

¹⁹² Маркова Р.И. Поезд шел с Урала // На штурм науки... С. 75.

¹⁹³ Несостоявшаяся подруга мемуаристки Ксения Купреянова покинула университет вскоре после поступления – в том же, 1921, году (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 2268. Данные о пребывании в составе студентов приведены по описи личных дел, Л. 124.).

берг, сложившийся у нее не в университетской среде, а в неформальном научном сообществе – Кружке молодых историков, в партийном отношении был пестрым. При этом члены Кружка (люди в основном взрослые, прошедшие студенческий этап) разговаривали «на политические темы не более, а определенно менее, чем в любой аудитории Университета, при встрече в библиотеке, в столовой, в очереди за пайком, в комнате у друзей»¹⁹⁴. В стенах университета тем временем кипели политические дебаты, и некоторые «политически сознательные» студентки предпочитали их походам в театр¹⁹⁵.

Среди 32 анкет на соискание стипендии студентками Петроградского университета 1917–1919 гг. поступления, рассмотренных нами в составе их личных дел, лишь две оказались членами РКП(б), одна сочувствующая анархистам и одна – социалистам в целом. Отношение к партийности и к коммунистической партии в основной массе ответов положительно. Полную партийную индифферентность выказали лишь четыре студентки, из них – две дворянки. Отношение студенток к советской власти в большинстве случаев сочувственное и смиренное. Такой ответ давали и те, кто в предыдущем вопросе о партийности демонстрировал к ней полное равнодушие. Некоторые, кроме стандартного краткого ответа «лояльное [отношение]», позволяли себе критические замечания – например, отвечали, что готовы сотрудничать с советской властью при сознании «некоторых ее недостатков»¹⁹⁶.

От ответов на данные вопросы во многом зависело решение стипендиальной комиссии. В результате, по-видимому, именно за отсутствие интереса к «партийности как таковой» и критику действий советской власти студентка Татьяна Ковальчик выбыла из состава стипендиатов. Возможно, повлияло и отсутствие у нее стажа общественно-политической работы (в анкете он не

¹⁹⁴ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 42.

¹⁹⁵ Лепко И. Как переплавлялось сознание // На штурм науки... С. 209.

¹⁹⁶ Анкета для определения на государственную стипендию [1922 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 631. Л. 8 об.

указан). При этом девушка была рабоче-крестьянского происхождения, ее отец и брат служили в РККА и РККФ, брат состоял в коммунистической партии¹⁹⁷.

Те, кто считался лояльным власти, в 1921 г. были поощрены освобождением от внесения платы за обучение. Эту категорию образовывали выпускники рабфаков, члены РКП и РКСМ, дети коммунистов, дети работников просвещения и, наконец, учащиеся, поступившие по командировке от профсоюза¹⁹⁸. В реальности за право на привилегию приходилось бороться. Студентке литературно-художественного отделения ФОНа Ирине Соколовой удалось добиться отмены платы только по совокупности оснований: как материально необеспеченной, как командированной Петроградским советом профсоюзов и как дочери военнослужащего. Плата снижалась постепенно, и окончательно была отменена лишь с последним аргументом¹⁹⁹.

Ряд вопросов анкеты раскрывают степень участия студента в общественной жизни страны и университета²⁰⁰. Сведения о наличии опыта политико-просветительской и общественной деятельности (исполнение делегатских обязанностей, организация и ведение кружков и клубов) есть лишь в трети рассмотренных нами студенческих анкет. Из этих активных студенток по результатам анкетирования только половина была назначена на стипендию. Отказ активисткам в стипендии был связан с их неподходящим социальным происхождением.

Примером может послужить случай студентки физико-математического факультета Рахили Рабинович (поступала в 1917 г., после перерыва продолжила обучение в 1924–1928 гг.). Будучи политически активной (политико-

¹⁹⁷ Анкета для определения на государственную стипендию [1922 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 534. Л. 28–28 об.

¹⁹⁸ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 222.

¹⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1092. Л. 17, 25, 27.

²⁰⁰ В анкете это следующие вопросы: «Занимал ли выборные должности», «Работал ли в общественных организациях», «Участие в Советском строительстве, в чем выразилось, где и когда», «Работал ли по борьбе с голодом, где и в чем выразилась работа».

просветительская работа в отделе снабжения стрелковой дивизии Красной Армии, заведывание библиотекой Военно-политических курсов им. Энгельса и партшколы при политуправлении Петроградского военного округа), и имея ближайшего родственника с надежной репутацией (брат – инструктор того же политуправления Петроградского военного округа, вступил в партию в 1920 г.), она не попала в список стипендиатов по результатам анкеты 1922 г. Сыграло ли здесь решающую роль купеческое происхождение и неясность текущего социального положения отца – или отсутствие ответов на важнейшие вопросы анкеты о партийности, отношении к советской власти, общественной работе и участии в «советском строительстве» – сказать трудно. На всех пустых ответах проверяющий поставил вопросительные знаки²⁰¹. Возможно, студентка посчитала достаточными заслугами свой партийно-политический стаж и положение брата. Подобные случаи ссылок на «правильную» биографию родственников были нормальной практикой. Анкетированные студентки часто ссылались на заслуги мужа, брата или отца перед советской властью (службу в Красной Армии, членство в РКП, работу в советских учреждениях, рабоче-крестьянское происхождение).

Так, в личном деле студентки Натальи Фюрганг, поступившей в 1919 и отчисленной в 1924 г. за академическую неуспеваемость, помимо ее личных заявлений о восстановлении имеется и ходатайство ее мужа. Молодой человек просит принять во внимание его пролетарское происхождение и «заслуги перед Советской Властью», а также полное единство «взглядов» (без уточнения, каких именно) его и супруги²⁰².

Политическое ядро университета составляли его партийные организации. Во главе первой партийной ячейки университета, образованной в 1918 г., стояла студентка юридического факультета С.А. Лаппо (числилась в составе

²⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 1375. Л. 16–16 об.

²⁰² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1251. Л. 8–8 об. Сама студентка в опросном листе отчисленных 1924 г. на вопрос о членстве в профсоюзе поспешила ответить не за себя, а за мужа и отца. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1251. Л. 20–20 об.).

студентов в 1917–1919 гг., в 1919 г. ушла на фронт гражданской войны)²⁰³. Проверка состава партийного комитета университета в 1922 г., по-видимому, осуществлялась в контексте общей «чистки» студенческого состава, и одним из механизмов проверки стало анкетирование. Анализ анкет студенток – коммунисток, состоявших в университетских ячейках РКСМ и РКП в 1922 г., позволит представить их коллективный социальный портрет.

Средний возраст партийных студенток составил 24 года (1898 г.р.). По национальной принадлежности (из указавших) доли евреек и русских примерно равны (37 и 35 % соответственно). Из других национальностей были латышские, финские, белорусские студентки, одна представительница коми и две «интернационалистки». Среднее время вступления в партию – 1919–1920 гг. (в диапазоне 1914–1922 гг.). На момент заполнения анкеты партийная работа большинством не велась (в т. ч. в связи с официальным освобождением для получения образования²⁰⁴).

Среди активисток общественно-политической жизни университета не встречается ни одной студентки, не имеющей среднего образования или опыта рабфака. Распределение по факультетам и отделениям показывает, что подавляющее большинство числилось на факультете общественных наук (ФОН), а внутри его – на правовом и общественно-педагогическом отделениях. Это подтверждают воспоминания: «Абсолютное большинство студентов – коммунистов и комсомольцев ПГУ приема 1922 г. пошло на ФОН, что же касается второго факультета университета – физико-математического, то там число коммунистов исчислялось еще единицами, а на математическом факультете их и вовсе еще не было»²⁰⁵. Наименьшее представительство дали этнолого-лингвистическое и экономическое отделения ФОНа, а также физико-математический факультет. Вспоминая трудности партийного завоевания университета, деятель его парторганизации Милка Ром писала, что «на этно-

²⁰³ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. к.и.н. С. 96.

²⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 31. Л. 55.

²⁰⁵ *Шариков К.Г.* Университет на подъеме // На штурм науки... С. 24.

лого-лингвистическом отделении единственной коммунисткой была С. Солунова»²⁰⁶.

Данные об академической активности представлены неаккуратно: графа часто пустует или сообщает о наличии перерывов в занятиях или содержит лаконичный ответ «не сдавала». Студентка 1 курса ФОНа Елена Моникайнен вместо перечисления сданных предметов предпочла сообщить о своем регулярном посещении лекций по политэкономии, историческому материализму и биологии²⁰⁷. Следует отметить, что в анкетах некоторых анкетированных есть данные об их пребывании в других вузах, география которых обширна (кроме Петрограда – Омск, Томск, Екатеринбург, Владикавказ, Харьков, Пермь).

По одним анкетам невозможно судить о реальной партийно-политической репутации студенток и конфликтах, возникавших в партячейке. Показательный случай – исключение из партии по решению Контрольной комиссии в 1924 г. студентки Варвары Высоцкой как «чуждого элемента». Заполненная ею в 1922 г. анкета не дает оснований предполагать подобный сценарий²⁰⁸. О случаях «недостойного» поведения рассказывала студенческая печать, причем она давала слово как обвиняемым, так и критикам²⁰⁹.

§ 2. Социально-экономические характеристики студенток: социальный статус, материальное положение, трудовая занятость

Социальный состав первых студенток Петроградского университета принципиально не отличался от состава высшей женской школы до революции. Основной контингент учащихся составляли девушки из семей петербургской интеллигенции, в которых высшее образование почиталось как тра-

²⁰⁶ Ром М.А. Первые шаги студенческой парторганизации (1920–1921 гг.) // На штурм науки... С. 14.

²⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 31. Л. 167 об.

²⁰⁸ О неисполнении членами коллектива партобязанностей 1.01.1923 – 16.02.1924 // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

²⁰⁹ Ср.: Богданова К. Студентка // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 31–33; Бродянский Б. Грани быта // Там же. С. 27–28.

диция и атрибут социального престижа²¹⁰. Среднестатистическая сословная принадлежность была мещанской. Легко догадаться, что с отменой ограничений для еврейской молодежи в разы выросло ее присутствие в стенах университета – но и до 1917 г. еврейки были второй по численности группой после русских девушек в составе высшей женской школы²¹¹. Часто встречающейся социальной «формулой» было сочетание трех параметров: холостое семейное положение («девица», «незамужняя»), мещанское сословие и еврейская («иудейская») национальность.

Эти выводы сделаны по данным, взятым из студенческих анкет на соискание государственной стипендии. Ответы на вопросы анкеты интересны не только с точки зрения информации о реальных условиях жизни и обучения, но и как практика приписывания себе более «надежного» социального статуса – в страхе быть отнесенным к «опальному» классу²¹². Основную функцию анкеты можно рассматривать и как функцию самодонора²¹³.

Вопросы студенческой анкеты, непосредственно выявляющие социальный статус, – это пункты «сословие до революции» и «основная профессия»²¹⁴. Прямого вопроса о классовой принадлежности анкета не содержит. Для ответов на вопрос о сословной принадлежности характерно указание не на сословие самой респондентки, а на сословие, чин или профессию ее отца: «дочь чиновника», «дочь личного гражданина», «дочь мещанина» и др. Обращает на себя внимание такой ответ, как «гражданка» или «гражданка СССР» – он не поощрялся проверяющими стипендиальной комиссии, о чем

²¹⁰ *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 192.

²¹¹ Там же. С. 199.

²¹² *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 174–207.

²¹³ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 210.

²¹⁴ См. Приложение.

свидетельствует подчеркивание красным карандашом²¹⁵. Компромиссным вариантом одна из респонденток посчитала «комплексный» ответ: «граждане – пролетарии – мещане»²¹⁶. Эпизодическим вариантом ответа о сословии является ответ «интеллигентка». Встречаются и данные о дворянском происхождении (сокрытие подобного факта было трудным делом и, возможно, не всеми считалось необходимым).

Несмотря на политику социальной дискриминации в высшей школе, на протяжении 1920-х гг. доля выходцев из непролетарских слоев среди студентов оставалась значительной. Важно, что девушек среди студентов «мелкобуржуазного» происхождения, если объединить не-пролетариев в этой категории, было в два раза больше, чем юношей²¹⁷.

Интересны данные академических и социальных «чисток» 1921–1922 гг. на рабфаке Петроградского университета. По заключению поверочной комиссии, в нем обнаружился наиболее высокий в сравнении с другими вузами процент лиц нефизического труда, а именно – обслуживающего персонала. Отсутствие физического (производственного) стажа было одной из причин исключения²¹⁸. Доля «уборщиц, курьеров, буфетчиц» в составе слушателей рабочего факультета на конец 1922 г. составляла 26 %, и из них более половины – женщины²¹⁹.

Представить материальное положение студенток позволяют ответы на анкетные вопросы о средствах к существованию и семейных обстоятельствах. Финансово-бытовые неурядицы были неотъемлемой приметой российского студенчества до революции, а в последовавшее десятилетие обострились до крайности. Обследования студенчества 1920-х гг. показывали, что

²¹⁵ Анкета // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1092. Л. 13

²¹⁶ Анкета [1923 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 908. Л. 7 об.

²¹⁷ *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 261.

²¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 230–230 об.

²¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 4.

необходимость службы, приработка во время учебы была «неотъемлемой частью образа жизни», что оказывалось «особенно верно по отношению к женщинам, семейным, беспартийным, которые затрачивают на нее в среднем более трех часов в день»²²⁰.

По ответам на вопросы о семейном статусе, членах семьи и роде их прежних и нынешних занятий, собственных средствах к существованию анкетируемых можно разделить на три группы. Первая группа состоит из тех студенток, которые не имели родственников или не пользовались поддержкой трудоспособных родственников – то есть вынуждены были обеспечивать себя сами. Вторую группу образуют студентки, которые имеют на своем иждивении нетрудоспособных родственников, то есть обеспечивают себя и семью. Третий вариант возникает, когда у студентки есть семья, которая материально поддерживает ее в той или иной мере – то есть обеспечение студентки складывается и из ее самостоятельного заработка, и из помощи родных.

Наиболее частым оказался последний сценарий: чуть более половины студенток пользовались материальной поддержкой родственников, тогда как материально независимых девушек оказалось меньшинство. Родительская помощь часто имела место в семьях благородного (дворянского) происхождения²²¹. Источником материальной помощи чаще всего был родственник мужского пола (отец, брат). Труднее приходилось девушкам из крестьянских и мещанских семей, которые нередко не могли рассчитывать на помощь родных²²².

²²⁰ Петрова Т.Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 125.

²²¹ Характерный расплывчатый ответ студентки из дворянской семьи на вопрос о занятиях родителей после 1917 г.: «Родители работали на педагогическом поприще, жили в разных городах Европейской России и Сибири» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 811. Л. 22.).

²²² По воспоминаниям, «благо было тем, чьи родители имели заработок. <...> Приходилось постепенно распродавать вещи; последним было продано, незадолго до окончания учебы, пианино, и в доме остались две кровати, обеденный стол, стулья... Но материальные трудности нисколько не испортили настроение, все казалось сущим пустяком по сравнению с тем, какие духовные ценности приобретались» (Мартинсен З.А. Жили – не тужили // На штурм науки... С. 139.).

Основными способами самостоятельного заработка была служба в советских учреждениях, педагогическая деятельность, случайные подработки (в т. ч. физический труд). Почти без исключений выход на службу в 1918–1921 гг. приводил к перерыву в университетских занятиях. Совмещение службы и учебы удавалось немногим и в первую половину 1920-х гг.: обычно служба оставлялась ради возможности нормально заниматься²²³. О временах нэпа Е.С. Вентцель, имевшая тогда несколько частных уроков, вспоминает, что «заработать себе на жизнь не представляло большого труда», и «пусть дорого, но можно было купить почти все, что хочешь»²²⁴. Е. Олицкая пишет, что найти постоянное место службы было не так просто, «безработица была очень велика»²²⁵. «Журнал для женщин», информируя о последних тенденциях в женском образовании и труде, в 1924 г. сообщал о полном отсутствии шансов на трудоустройство у тех женщин, которые имели только среднее образование, но и предупреждал о невостребованности выпускниц высшей школы, особенно специалистов гуманитарного профиля²²⁶.

Учащиеся девушки служили конторщицами, делопроизводителями, статистиками, участвовали в политико-просветительской работе. Примерно половине из них на момент заполнения анкеты (1922, 1923, 1924 гг.) удавалось совмещать служебную и учебную деятельность. Треть из служивших была вовлечена в научную работу производственных лабораторий и исследовательских институтов, две трети составляли категорию совслужащих и работников сферы политпросветительства. Заработка часто не хватало для своевременного взноса платы за обучение, введенной в 1921 г. для зачисленных в университет ранее этого года²²⁷. В результате исключений из универси-

²²³ Анкета для представления на Госснабжение [1922 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1134. Л. 15.

²²⁴ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-е годы. С. 24.

²²⁵ Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Т. 1. С. 159.

²²⁶ Горский Р. Условия высшего образования женщины // Журнал для женщин. 1924. № 6. С. 2; О высшем и специальном образовании // Журнал для женщин. 1924. № 8. С. 1.

²²⁷ Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 221.

тета из-за неуплаты и по другим причинам продолжительность обучения растягивалась на несколько лет²²⁸. Особенно болезненной потерей студенческого статуса была для учащихся последнего семестра.

Вклад в материальное обеспечение студенчества вносило государственное снабжение, которое для многих «являлось весьма существенной поддержкой»²²⁹. В Петроградском университете социальное обеспечение до 1920 г. получали студенты далеко не всех факультетов: например, слушатели ФОНа как факультета самого «ненадежного» были лишены этого права²³⁰. Продвижение по политической – комсомольской и партийной – линии позволяло получить дополнительные права и привилегии. Так, студентка экономического отделения ФОНа Г.А. Штернберг, вспоминая свой студенческий быт 1922–1924 гг., упомянула, что «больше других располагала “средствами”, получая партмаксимум»²³¹. Партмаксимум назначался активным партработникам с 1922 по 1929 г. и был равен 645 рублям в месяц. При этом в 1922/23 гг. среднестатистическая зарплата рабочего составляла 19,3 рубля²³².

Советская власть стремилась привлечь рабоче-крестьянскую молодежь в вузы²³³, но социальные льготы предоставлялись далеко не всем пролетар-

²²⁸ Причиной становилась и академическая неуспеваемость. Поступившая в 1917, восстановленная в 1922 и отчисленная в 1924 г. по академической проверке студентка Анна Комолова пыталась вновь восстановиться в правах в 1927 г., на что ей было предложено поступать на первый курс в 19128/1929 уч. г. на общих основаниях. Удалось ли девушке завершить образование, из документов неясно. Сама Комолова происходила из рабоче-крестьянской семьи (дочь крестьянина – по метрическому свидетельству, рабочего-литейщика Ленинградского металлургического завода крупного машиностроения № 5 – по справкам 1924 г.), состояла в Союзе работников просвещения и занималась педагогической деятельностью с 1917 г. («учительствовала»; в 1924 г. – преподаватель Отофонетического института). (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 829.)

²²⁹ Анкета для представления на Госснабжение // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 194. Л. 23–23 об.

²³⁰ *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 220.

²³¹ *Штернберг Г.А.* Два года в стенах университета // На штурм науки... С. 175.

²³² *Черных А.* Становление России Советской : 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 275.

²³³ Постановление СНК РСФСР о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства, 2 августа 1918 г. // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. С. 169.

ским студентам. Студентка этнолого-лингвистического отделения ФОНа Татьяна Прохорова, поступившая в 1919 г., происходила из большой и бедной, судя по документам и заявлениям в ее личном деле, крестьянской семьи и была назначена на стипендию в 1922 г. Однако по результатам анкеты 1923 г. в госснабжении ей было отказано, и в 1924 г. она стипендию не получала²³⁴.

Из состава документов личных дел следует, что одни учащиеся отчаянно боролись за льготы (много заявлений, справок, удостоверений), другие смирялись с принятым «наверху» решением (одно-два протестных заявления лаконичного содержания), третьи и вовсе пренебрегали социальной помощью (например, никаких анкет и деклараций не содержится в личном деле О.М. Фрейденберг). Примером настойчивости в борьбе за стипендиальное обеспечение служит дело студентки Наталии Анисимовой, поступившей на естественное отделение физико-математического факультета в 1918 г. После получения отказа на анкету 1923 г. она адресовала в комиссию платности четыре протестных заявления, в которых, во-первых, рассказала о своих нынешних и грядущих материальных затруднениях, во-вторых, предоставила данные о высокой академической активности и текущей научной работе. Резолюция комиссии на заявлениях отсутствует. Очевидно только то, что вопрос об освобождении студентки Анисимовой от платы был решен положительно во втором семестре 1922–1923 уч. г. и весь 1923–1924 уч. г., то есть вплоть до окончания ею обучения²³⁵.

Еще активнее себя повела студентка этнолого-лингвистического отделения ФОНа Варвара Петряева: в ее деле содержится шесть заявлений в стипендиальную комиссию (1922, 1923 гг.). Характерен язык этих «воззваний». Если первые обращения начинаются с «коллег», что проверяющий учел, подчеркнув карандашом, то в последних, уже одобренных, студентка обращается

²³⁴ Анкета [1922 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 950. Л. 7–7 об., 5 об., 14–14 об., 15, 19.

²³⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 107.

к «товарищам». Добиться освобождения от платы в 1923 г. ей также удалось²³⁶.

Многие студенты и студентки не могли справиться с вызовами времени и исключались за неуспеваемость. В заявлении в Комиссию по обратному приему уволенных из ЛГУ по академической проверке 1924 г. (одной из самых масштабных «чисток»²³⁷) отчисленная с естественного отделения физико-математического факультета О.А. Козловская рассказывает, что с 1919 г. вынуждена была зарабатывать и трудилась в качестве научного сотрудника Вычислительного бюро Оптического института, при этом постоянно болела, перенесла испанку, хронически недоедала, питаясь одним картофелем и к 1922 г. заболела туберкулезом, но продолжала посещать практические занятия, «стремясь к намеченной цели – послужить науке»²³⁸. Думается, однако, что более весомой причиной исключения послужило дворянское происхождение О.А. Козловской²³⁹.

Первое десятилетие советской власти осталось в памяти молодых людей временем веселым, но голодным и неустроенным. В годы гражданской войны внешний облик студентов сильно изменился, исчезли даже половые различия в одежде. Кроме того, в новых условиях одежда стала опасным маркером социальной принадлежности, и ее внешняя яркость померкла²⁴⁰. Студенты одевались плохо, ходили в военных шинелях, валенках, поношенной и самодельной обуви. Многие девушки носили туфли на веревочной подошве или вовсе мужские ботинки. Бывшая студентка ФОНа Е. Кудрявцева вспоминала: «Я не имела ни летнего, ни зимнего, ни осеннего пальто и здорово мерзла. Наши коммунары договорились с моряками, и те принесли гру-

²³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 908. Л. 47.

²³⁷ Ленинградский университет 1819–1944. М., 1945. С. 88.

²³⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 811. Л. 4–5.

²³⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 811. Л. 22–22 об.

²⁴⁰ *Лебина Н.Б.* Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки... // Родина. 1994. № 9. С. 113.

бошерстное одеяло, из которого я сшила себе пальто»²⁴¹. В ход шли занавески, шторы, платья шили из простынь, которые красили в темные цвета²⁴². Завершали образ учащих девушек простые прически и отсутствие косметики.

В годы нэпа, когда положение студенчества относительно улучшилось, коридоры университета заиграли более яркими красками. Е.С. Вентцель, например, вспоминает, как по главному коридору в Здании Двенадцати коллегий «шли, нарядные и напудренные, белея носами, студентки-фоновки»²⁴³.

Одежда рабоче-крестьянского студенчества контрастировала со старой студенческой формой, а также «женскими шляпками с цветами, вуалетками»²⁴⁴. В университете можно было повстречать студенток – типичных курсисток начала XX века²⁴⁵, а также первых собственно университетских женщин, которые как особый феномен выделяла О.М. Фрейденберг: на ее взгляд, они «были очень интеллигентны» и, в отличие от курсисток, «хорошо и красиво одевались»²⁴⁶.

Сама О.М. Фрейденберг описывает себя в периоде 1918–1923 гг., конечно, не без самолюбования: «Я тоже [как и другие первые университетские женщины] ходила в черном платье из тугого шелка, охватывающего мою стройную тонкую талию. На голове я всегда носила маленькую черную шляпку с веночком из бархатных темно-красных цветов; шляпка подвязывалась на шее черной лентой. Зимой на моих плечах лежал меховой палантин. Молодая и полная внутренней жизни, я радостно входила в новый обаятельный мир»²⁴⁷.

²⁴¹ На переключке дружбы. Е. Кудрявцева (Ленинград), член студенческой коммуны «Октябрь» // На штурм науки... С. 243.

²⁴² Левина И.М. Первые советские искусствоведы // На штурм науки... С. 114.

²⁴³ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 1920-е годы. С. 18.

²⁴⁴ Маркова Р.И. Поезд шел с Урала // На штурм науки... С. 74.

²⁴⁵ См.: Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века : Очерки. М., 2010. С. 239.

²⁴⁶ Фрейденберг О.М. Университетские годы. С. 147.

²⁴⁷ Фрейденберг О.М. Университетские годы. С. 147.

Если отбросить неприязнь О.М. Фрейденберг к высшим женским курсам как таковым, то замечание о благородстве студенток Петроградского университета кажется справедливым. Говоря о последнем предреволюционном поколении слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, О.М. де Клапье, сама к нему принадлежавшая, обратила внимание, что «"ядро" слушательниц состояло из семей петербургской интеллигенции. Дочери профессоров, докторов, адвокатов»²⁴⁸. В объединенном университете студентки интеллигентского происхождения количественно преобладали над студентками-пролетарками. Но уже к 1923 г. «старый» (интеллигентский) и «новый» (рабоче-крестьянский) сегменты российского студенчества по численности были примерно равны²⁴⁹.

§ 3. Особенности пребывания в университете студенток и студентов «старого» и «нового» типа

О.М. Фрейденберг, как всегда острая на замечания в адрес окружающих, писала в письме 1918 г. своей гимназической учительнице О.В. Никольской о демократизации состава Петроградского университета: «<...> аудитория аховая. Эти "полки 18 года", состоящие из подростков и недорослей, сильно мешают ученью». С начала 1920-х гг. вместо выходца из интеллигентской семьи и с интеллигентским сознанием героем времени становилась «жизнерадостная разнополая, разновозрастная толпа, лицо которой определяли сыновья и дочери "гегемона истории"»²⁵⁰.

В новых условиях университет вынужден был принять студентов нетипичного для универсанта прежних лет социального происхождения и, как следствие, иной культуры. Поскольку значительную часть учащихся в первые советские годы составили девушки, то именно они должны были первыми

²⁴⁸ *Де Клапье О.М.* Бестужевские Курсы сыграли большую роль в моей жизни // Наша дань Бестужевским Курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. С. 14.

²⁴⁹ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников... М., 2014. С. 229.

²⁵⁰ *Сальникова А.А.* Частная жизнь университетского человека в Казани, 1920–1990-е гг. // Адам & Ева : Альманах гендерной истории. 2004. № 8. С. 38.

почувствовать эту разницу взглядов и положений. Остроту ситуации придавала новизна опыта совместного обучения. Так, в воспоминаниях студентки ФОНа 1920–1925 гг. П.В. Спажевой, поступившей по командировке как «представитель трудящихся», есть образ ненавистных ей «старых» студентов – «мужчин зрелого возраста», которые принадлежали к категории «вечных» (учились по 10–15 лет), «хорошо одетые, с холеными лицами и праздными руками»²⁵¹. Таким образом, конфронтация происходила из-за социальных, культурных, возрастных и, возможно, половых различий.

Об обстоятельствах прихода в университет «возрастных» студентов и студенток пишет О.М. Фрейденберг, которая и сама принадлежала к далеко не юным учащимся: «В университет шли взрослые люди, влекомые желанием послушать хороших профессоров, пополнить образование. Никто не думал ни о “дипломах” и “цензах”, ни о “правах”»²⁵². Ее собственный круг общения состоял именно из таких молодых людей. А.Ю. Рожков характеризует данную группу молодежи следующим образом: «Многие из них поступили в советские вузы с одной целью – получить разностороннее высшее образование, развить свой интеллектуальный ресурс, что в их семейных традициях считалось обычной биографической стратегией. Как правило, эта молодежь много читала, знала иностранные языки, имела развитый языковой код и обладала широким кругозором. У нее за плечами была гимназия, репетиторы, литературные кружки и диспуты, но чаще всего отсутствовала четкая жизненная цель, точнее, материализуемое прагматичное притязание, явно осознаваемая “достижительская” стратегия»²⁵³.

Кроме естественного (в некотором роде праздного) стремления в университет имелась и объективная причина: необходимо было завершить обучение после революционного перерыва. М.Б. Рабинович, например, описывает пришедших в университет в 1923 г. взрослых студентов, которые верну-

²⁵¹ Спажева П.В. Начало 20-х годов // На штурм науки... С. 59–60.

²⁵² Фрейденберг О.М. Университетские годы. С. 147.

²⁵³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников... М., 2014. С. 251–252.

лись с фронтов. По его наблюдению, «старики» (самому автору было 17 лет) делились на более молодых («лет по двадцать – двадцать пять, за их плечами была только одна война – гражданская, и в университет они поступали впервые»²⁵⁴) и менее («вернувшихся после двух войн, двадцатипяти – двадцатисемилетних, много повидавших на своем веку мужчин»). Это мужское сообщество существовало как отдельная корпорация, и внутри него допускались «порой такие вольности, какие немислимы были в других, смешанных группах»²⁵⁵.

Характер закрытых сообществ имели и неофициальные научные кружки, в большом количестве стихийно сложившиеся в 1918–1925 гг. Одним из таких был «Кружок молодых историков» (1921–1925), состоявший из недавно окончивших университет (возраст участников был 25–35 лет) и собиравшийся на квартире Н.С. Штакельберг. Сама она окончила университет в 1920 г., а на протяжении учебных лет «не имела возможности общаться с другими студентами ни на какой почве»²⁵⁶. Кружок не менее чем наполовину состоял из женщин. Его деятельность заключалась в чтении докладов и «вечеринках», которые постепенно вытесняли ученые заседания. Кружок не был строго постоянным по составу, но имел свой костяк участников и свой уклад жизни. В период нэпа «у мужчин появились белые воротнички и отглаженные брюки; никто не приходил небритым. Дамы приходили в нарядных платьях и прическах. <...> появились туфли, хоть и не бальные, но такие, в которых можно было танцевать»²⁵⁷. Когда коммуникация в университете была затруднена (в том числе по чисто бытовой причине – в аудиториях было холодно заниматься), альтернативными «площадками» становились семинарии профессоров у них на дому, неофициальные кружки и другие места общения интеллектуальной молодежи (архивы, библиотеки и т. д.).

²⁵⁴ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. С. 74.

²⁵⁵ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. С. 83.

²⁵⁶ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело». С. 32.

²⁵⁷ Там же. С. 38–39.

В университетских коридорах тем временем стали сталкиваться люди, чуждые друг другу во всех отношениях. Художница Е.К. Эвенбах – студентка Государственных художественных мастерских (бывшей Императорской Академии художеств) и отделения истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета в 1918–1923 гг. – рассказывала в автобиографических записках, что на одном из первых курсов ее сильно смущало присутствие в мастерской некой «барышни». В характерном для советских мемуаров духе автор отметила, что платье этой студентки было бы более уместно в дооктябрьские времена, как и она сама вместе с ее приятелями – благодаря таким студентам в мастерской царил «дух ретроспекции»²⁵⁸. Подругому «белую косточку» оценивала в своем дневнике А. Закурдаева, студентка Московского государственного университета конца 1920-х гг. Ей нравился не только внешний вид («девушки – все хорошо одетые, в прекрасно сшитых платьях, в хорошо сидящей обуви, пахнувшие пудрой и хорошими духами»), но и сплоченность интеллигентской молодежи («сидят всегда вместе, в перерывах [между лекциями] в их группе всегда шумный говор и смех. Часто слышны разговоры о музыке, литературе и т. д. Остальных они сторонятся, сами не заговаривают, а если отвечают, то в холодно-вежливом тоне»). Неслучайно студентка с тоской подытоживала, что в университете «каждый сам за себя»²⁵⁹.

На приверженность «старой» или «новой» студенческой культуре указывал лексикон студента – например, форма обращения к другим («товарищам» либо «коллегам»). Если для П.Я. Кочкиной возможность обращаться к сокурсникам как к «товарищам» была предметом гордости²⁶⁰, то ровно с тем же восторгом воспринимала «только что приобретенное слово “коллега”»

²⁵⁸ Матафонов В.С. Евгения Константиновна Эвенбах. Л., 1988. С. 22.

²⁵⁹ Закурдаева А. Дневник с вопросами // Красная молодежь. 1928/1929. № 8. С. 12–13.

²⁶⁰ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. С. 45–46.

Е.С. Вентцель²⁶¹. Пролетарская и интеллигентская языковые культуры причудливо смешивались. К студентке часто обращались и как к «товарищу», и как к «барышне», одну фразу профессор адресовал и «товарищам», и «господам», студентами из рабочих и крестьян использовалось не характерное для их культуры речи обращение на «Вы»²⁶².

Кроме речи маркером идеологической принадлежности была манера поведения в целом. М.Б. Рабинович вспоминает, что из страха быть отчисленным за неподходящее социальное происхождение у «многих интеллигентных юношей и девушек», которые проявляли политическую лояльность, состояли в парторганизациях, помимо этой активности «часто выросло стремление опроститься», которое привело к массовой «нарочитой грубости» и отношению к вежливости как к «буржуазному предрассудку»²⁶³. О культуре поколения 1920-х гг. в студенческом дневнике рассуждала Л.Я. Гинзбург, делая наблюдения не только над окружающими, но и над самой собой – студенткой Института истории искусств 1922–1926 гг. Упрощение культуры, точнее «снижение качества на данном отрезке времени» она посчитала «закономерностью», хотя и не несущей социальной пользы²⁶⁴. О простых – рабфаковских – нравах, экспансии «рабфаковской стихии», захватившей студенчество интеллигентского происхождения, пишут и в воспоминаниях о самом конце 1920-х гг.²⁶⁵

Известно, что и в дневниках, и в эссе 1980-х гг. Л.Я. Гинзбург отнеслась к своему поколению с беспощадной прямоотой и честностью²⁶⁶. В эссе «Поколение на повороте «двадцатогодичники» – молодежь 1920-х гг. – пред-

²⁶¹ Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 1920-е годы. С. 18.

²⁶² Там же. С. 31.

²⁶³ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. С. 75.

²⁶⁴ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 88.

²⁶⁵ Сильман Т.И., Адмони В.Г. Мы вспоминаем : Роман. СПб., 1993. С. 161.

²⁶⁶ Кобрин К.Р. «Человек 20-х годов». Случай Лидии Гинзбург (к постановке проблемы) // НЛО. 2006. № 78. С. 60–83.

ставлены ею как люди «беспредельного энтузиазма, бешеной энергии»²⁶⁷. В дневниковых записях 1920-х гг. есть и иронично-грустные размышления – об утраченном новой молодежью «пафосе ученичества», об эпохе «ликвидации грамотности», о трудном и «веселом хлебе науки и искусства», которыми занимались, насмехаясь над разрухой²⁶⁸.

Основным мотивом воспоминаний о студенческой поре в первое послереволюционное пятилетие, каких бы идеологических взглядов ни придерживались авторы, является мотив свободы. Д.С. Лихачев вспоминает «бесконечные и очень свободные разговоры в длинном университетском коридоре. Хождения на диспуты и лекции (в городе было тьма-тьмушая различных лекториев и мест встреч <...>)»²⁶⁹. Пианистка М.В. Юдина, посещавшая занятия в Петроградском университете вольнослушательницей в 1921–1922 гг., в своих воспоминаниях вторит словам многих других: «Мы не искали покоя, благоустройства, накопления; мы довольствовались воблой и лепешками из картофельной шелухи; веревочными туфлями, потертой одеждой <...> Мы все были в какой-то степени “летучие голландцы”; мы – одна из ветвей российской истории, – и при всем различии характеров, устремлений, путей, мы были едины в этом искании истины и нестяжательности <...>»²⁷⁰. В призме воспоминаний именно дух свободы объединял разношерстное студенчество. В реальности оно представляло собой мозаику из групп и группировок по возрасту, полу, культурным и научным интересам, политическим взглядам.

²⁶⁷ Гинзбург Л.Я. Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 135.

²⁶⁸ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2011. С. 27, 88, 101.

²⁶⁹ Лихачев Д.С. Воспоминания. С. 113.

²⁷⁰ Юдина М.В. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978. С. 225.

Заключение

Петроградский университет, интеллектуальный центр бывшей Российской империи, в новых условиях принял вызов советской образовательной реформы. Изменение его студенческого состава, с одной стороны, отвечало демократическим тенденциям времени, а с другой, использовалось советской властью как инструмент подчинения высшей школы интересам государства. Мы попытались оценить факт массового появления среди студентов университета женского элемента, рассмотреть его как фактор в жизни университета в те годы, когда он уже потерял статус столичного и императорского, но еще не стал советским. На основе скудного массива источников это оказалось крайне трудным делом.

Анализ динамики численности студенток и студентов в годы гражданской войны показал, что в этот тяжелый для университета период студентки составляли значительный контингент его учащихся. Не кажется преувеличением сказать, что роль первых университетских женщин, таким образом, заключается в спасении учебного заведения от запустения, в поддержании учебного процесса и в обеспечении преемственности академических традиций. Последнему обстоятельству способствовала давняя связь университета с высшей женской школой, в частности, с Высшими женскими (Бестужевскими) курсами, которые считались его «женским факультетом».

Массовое присутствие девушек повлияло на поведение профессорско-преподавательского состава, состоявшего преимущественно из мужчин, в той степени, в которой это влияние позволяет представить индивидуальный опыт, личные воспоминания. К сожалению, отсутствует возможность измерить его более точно. Ничего конкретного пока не удалось сказать и о взаимоотношениях в разнополой студенческой аудитории. Известные частные случаи говорят о сохранении и после 1917 г. разного отношения к учащимся девушкам – и положительного, и отрицательного. На гендерные стереотипы накладывались многочисленные различия по политическим взглядам, социальному статусу, культурному «багажу». В целом, нюансы общения мужчин и женщин в университете – и учащихся, и учащихся – раскрываются в индивидуальном по-

рядке. Так, конфликт О.М. Фрейденберг с участниками семинария С.А. Желелева лучше рассматривать в контексте личности самой О.М. Фрейденберг, поскольку она далеко не однозначная фигура. Правомерной, однако, представляется постановка проблемы отношений женщины – начинающего ученого с мужчиной – учителем и наставником, особенностей их взаимодействия и последствий для научной (вообще профессиональной) карьеры женщины в 1920-е гг.

Партийно-политическая составляющая коллективного портрета учащих женщин Петроградского университета является отражением отношения к политике и партийности студенчества университета в целом. Низкий процент вовлеченности студенток в общественную жизнь, их участия в деятельности партийных и комсомольских организаций был характерен для советской высшей школы на протяжении всех 1920-х гг., на что неоднократно сетовала официальная студенческая печать. Опыт анализа студенческих анкет на соискание стипендии показал, что даже общественно активные девушки имели мало шансов на ее получение в связи с тем, что, с одной стороны, активности было недостаточно, а с другой, подводило социальное положение (по совокупности социальных параметров – происхождения, текущих занятий членов семьи, рода служебной деятельности). Примерное представление о материальном положении студенток складывается из тех же анкет и наталкивает на мысль, что большинство учащихся полагались на свои силы и средства, хотя и семьи играли немаловажную роль в обеспечении детей. Есть основания полагать, что женская зависимость от родственников мужского пола – братьев, отцов, а также мужей возникала не только по объективным обстоятельствам (например, когда отец – глава семьи, а мать нетрудоспособна), но и по психологической причине. Однако, опять же, пока мы не знаем, как измерить степень ее проявления.

Истории разных женщин об их пребывании в университете в 1918–1924 гг. (фактически – на протяжении 1920-х гг.), несмотря на наличие магистральных сюжетов, не похожи одна на другую просто потому, что каждая

человеческая история уникальна. Индивидуальность поведения героинь, как бы они ни интерпретировали свое прошлое в воспоминаниях, усугублялась тем, что студенческий состав университета в пореволюционное время представлял собой даже не пеструю толпу (толпа – нечто целое), а множество сообществ (в той или иной степени эфемерных), складывавшихся на различной основе (например, в результате совместных научных занятий, по принадлежности к партийной организации университета или по принадлежности половой). Но основным «водоразделом» между сообществами были культурные различия – между носителями «старой» (интеллигентской) студенческой культуры и «нового» – пролетарского сознания. Учащиеся девушки здесь оказывались в такой же ситуации пограничья, как и юноши. В то же время дореволюционная традиция приобщения к высшему образованию девушек из интеллигентских семей делала этих студенток преобладающим элементом в составе учащихся женщин Петроградского университета – что можно предположить именно исходя из традиции, а не из строгого подсчета. Большая часть студенток была отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения не только в годы бесклассовых (до 1921 г.²⁷¹), но и, как представляется, в годы классовых приемов. Но в данном контексте это должно прозвучать как гипотеза.

Женщины очень быстро освоили роль адептов университетской культуры, их «вживание» в эту роль происходило незаметно для университетского сообщества, которое было всецело занято диалогом с властью, инструкциями, распоряжениями, решением насущных вопросов. Поэтому в источниках, как синхронных 1918–1924 гг., так и отстоявших от них на несколько десятилетий по времени создания, нет явных оценок феминизации университета и ее последствий. «Немота» источников даже личного происхождения наводит на мысль о необходимости иного взгляда на них, возможно, какого-то специфического прочтения. С другой стороны, продолжение работы над темой потребует гораздо большего их количества. Необходимо также большее погруже-

²⁷¹ Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 171.

ние в массив литературы по истории Петроградского университета и университетского образования, так как самыми общими выводами в работе по истории конкретного учебного заведения в конкретный исторический период явно нельзя обойтись.

На материале личных студенческих дел открывается перспектива просопографических исследований. Они позволили бы на большем количестве деталей реконструировать социокультурный облик студентов. Речь могла бы идти о применении методов исторической информатики, которые редко используются в изучении истории высшей школы, но в теории обещают интересную перспективу²⁷².

Как считает социолог Т.Э. Петрова, фактический материал в исторических исследованиях студенчества начала XX века зачастую выступает в роли иллюстративного и «не складывается в целостную картину»²⁷³. Поэтому сама собой напрашивается мысль об историко-социологическом исследовании социальной истории Петроградского университета.

²⁷² *Амалиева Г.Г.* Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. дис. канд. ист. н. Казань, 2006. С. 10.

²⁷³ *Петрова Т.Э.* Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социологические исследования. 1999. С. 120.

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Ф. 2555 (Ленинградское отделение Главного Управления научных учреждений академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР). Оп. 1. Д. 191: Единый университет, 1919–1920.

Ф. 2556 (Управление уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда). Оп. 1. Д. 257: Дело по чистке студентов приема 1922–1923 уч. г.

Ф. 2556 (Управление уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по делам вузов, рабфаков, научно-художественных и музейных учреждений Ленинграда). Оп. 1. Д. 386: Состав студентов Петроградского Университета 1923 г.

Ф. 4269 (Рабочий факультет Петроградского государственного университета Народного комиссариата просвещения РСФСР). Оп. 2. Д. 6277: Статистические сведения о количестве, успеваемости, посещаемости студентов 1919–1923 гг.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 22: Автомонова М.Я.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 194: Бокум Э.Я.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 226: Броун В.Ф.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 371: Болотова В.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 372: Болотова Л.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 811: Козловская О.А.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 829:
Комолова А.Ф.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 1106:
Михайлова С.Н.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 1. Д. 1375:
Рабинович Р.Е.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 107:
Анисимова Н.В.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 210:
Баславская Л.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 631:
Вильнер Г.Ш.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 684:
Волкова М.В.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 688:
Волпян Л.Ю.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 750:
Гаген-Торн Н.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 2. Д. 3698:
Фрейденберг О.М.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 96:
Берзинь Э.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 246:
Враская В.Б.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 307:
Голобова О.К.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 496:
Кантор А.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 534:
Ковальчик Т.Л.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 722:
Максимова Е.А.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 794:
Мезерина А.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 908:
Петряева В.М.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 919:
Повитц Е.В.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 950:
Прохорова Т.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1011:
Ром М.А.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1092:
Соколова И.А.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1122:
Страж Р.Л.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1134:
Судовская Н.Д.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1251:
Фюрганг Н.В.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1318:
Шахматова С.А.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1357:
Шульман Т.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 3. Д. 1381:
Якимович Е.И.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 14. Д. 29:
Переписка с Наркомпросом о состоянии кафедр и обеспечении преподавания
в 1918/19 уч. г., а также о личном составе I-го Петроградского Университета
по учебной части.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 14. Д. 130: Статистические и анкетные материалы для Наркомата просвещения для составления справочника по вузам 1919–1920.

Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет). Оп. 14. Д. 149: Статистические сведения о профессорско-преподавательском, административно-управленческом персонале и о студентах Университета.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Ф. 984 (Партийный комитет Ленинградского государственного университета). Оп. 1. Д. 8: О неисполнении членами коллектива партобязанностей.

Ф. 984 (Партийный комитет Ленинградского государственного университета). Оп. 1. Д. 31: Анкеты студентов, членов РКП(б).

Архив О.М. Фрейденберг

Машинописная копия автобиографических записок. Тетради 3–4, 5–6.

Опубликованные источники

1. Адучаев Н. Студенческая коммуна // Красная молодежь. 1924. № 4. С. 90–93.
2. Андреева А.П. Мечта осуществилась // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 97–100.
3. Анциферов Н.П. Из дум о былом : Воспоминания. М.: Феникс, 1992. 511 с.
4. Бестужевки в рядах строителей социализма. М.: Мысль, 1969. 198 с.
5. Богданова К. Студентка // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 31–33;
6. Бочаров. Как развивалась коммуна (Из опыта 2-го МГУ) // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 116–119.

7. Бродянский Б. Грани быта // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 27–28.
8. Вентцель Е.С. <Автобиографические фрагменты> // Е.С. Вентцель – И. Грекова: К столетию со дня рождения. С. 16–17.
9. Вентцель Е.С. Ленинградский университет в 20-х годах // Е.С. Вентцель – И. Грекова : К столетию со дня рождения. М.: Юность, 2007. С. 18–37.
10. Враская О.Б. Из воспоминаний об О.А. Добиаш-Рождественской // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1987. С.310–313.
11. Гаген-Торн Н.И. Memoria. М.: Московское историко-литературное общество «Возвращение», 1994. 412 с.
12. Гинзбург Л.Я. Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения / АН Латвийской ССР, Ин-т философии и права; отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1986. С. 132–140.
13. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2011. 766 с.
14. Горский Р. Условия высшего образования женщины // Журнал для женщин. 1924. № 6. С. 1–2.
15. Дарк. Студентки Запада и Востока // Красная молодежь. 1927. № 8. С. 44–49.
16. Де Клапье О.М. Бестужевские Курсы сыграли большую роль в моей жизни // Наша дань Бестужевским Курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом / Объединение бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 13–22.
17. Декреты Советской власти. Т. 3 : 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. 664 с.
18. Житомирова Н.Н. Так мы и вырастали // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ле-

нинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 166–170.

19. Закурдаева А. Дневник с вопросами // Красная молодежь. 1928/1929. № 8. С. 11–14.

20. Из доклада заместителя наркома просвещения И.И. Ходоровского в ЦК РКП(б) «О состоянии вузов РСФСР на 1 февраля 1925 г.» – о сети вузов, новых методах преподавания, настроении студенчества и профессуры (6 февраля 1925 г.) // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 2: Документы и материалы 1921–1927 / Главное архивное управление при Совете министров РСФСР, Центральный государственный архив РСФСР; отв. сост. Л.И. Давыдова. М.: Советская Россия, 1984. С. 85–88.

21. Кононова А.М. О моих далеких счастливых студенческих годах // Наша дань Бестужевским курсам : Воспоминания бывших бестужевок за рубежом / Объединение бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 36–56.

22. Кочина П.Я. Математика на службе народного хозяйства // Бестужевки в рядах строителей социализма. М.: Мысль, 1969. С. 27–32.

23. Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы : Воспоминания и выступления / АН СССР; отв. ред. С.А. Христианович, В.И. Хлебников. М.: Наука, 1988. 623 с.

24. Л.П. Больное... // Красный студент. 1924. № 2. С. 25–26.

25. Левина И.М. Первые советские искусствоведы // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 110–128.

26. Лепешинский П.В. В вольно-дискуссионном клубе. Проблема любви // Молодая гвардия. 1923. № 1 (8). С. 94–111.

27. Лепко И. Как переплавлялось сознание // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 208–211.
28. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 517 с.
29. Маркова Р.И. Поезд шел с Урала // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 70-81.
30. Мартинсен З.А. Жили – не тужили // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 134–145.
31. Матафонов В.С. Евгения Константиновна Эвенбах. Л.: Художник РСФСР, 1988. 181 с.
32. Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1, 2 / Центральное статистическое управление РСФСР. Пг.: Государственное издательство, 1920.
33. На переключке дружбы. Е. Кудрявцева (Ленинград), член студенческой коммуны «Октябрь» // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 243.
34. На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. 264 с.
35. Назаренко Я.А. Недавнее былое // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971.

36. Наша дань Бестужевским Курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: Объединение бывших бестужевок за рубежом, 1971. 175 с.
37. Нюрина Ф. О работе среди девушек // Коммунистка. 1923. № 12. С. 12–14.
38. О высшем и специальном образовании // Журнал для женщин. 1924. № 8. С. 1–2.
39. О. Больное в Ленинградской Консерватории // Красный студент. 1924. № 10–11. С. 31–32.
40. Олицкая Е.Л. Мои воспоминания : В 2 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. Т. 1. 318 с.
41. П-ва. О работе среди студенток // Красная молодежь. 1925. № 5. С. 147–148.
42. Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1996. 365 с. (Дневники и воспоминания петербургских ученых.)
43. Ром М.А. Первые шаги студенческой парторганизации (1920–1921 гг.) // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 7–16.
44. Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923 / Труды Центрального статистического управления; ред. сб. М. Красильников. М., 1924. Т. XVIII. 481 с.
45. Сильман Т.И, Адмони В.Г. Мы вспоминаем : Роман. СПб.: Композитор, 1993. 503 с.
46. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
47. Созонович-Кожина М.И. О Бестужевских Курсах // Наша дань Бестужевским курсам : Воспоминания бывших бестужевок за

рубежом / Объединение бывших бестужевков за рубежом. Париж, 1971. С. 131–134.

48. Спажева П.В. Начало 20-х годов // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 59–62.

49. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии / Центральное статистическое управление РСФСР, Петроградский губернский отдел статистики. Пг., 1922. 344 с.

50. Таланкина. О работе студенток среди женщин-работниц // Коммунистка. 1927. № 4. С. 38–39.

51. Товаровский Б. Учет наших настроений... (по поводу проектируемой анкеты врача Л. Васильевского) // Красный студент. 1923. № 5. С. 28.

52. Требелев А. Вредные уклоны // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 109–112.

53. Фрейденберг О.М. Университетские годы / Публ. и комм. Н.В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145–156.

54. Черноярский. О ВУЗ'ах // Журнал для женщин. 1926. № 5. С. 5–6.

55. Шариков К.Г. Университет на подъеме // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 23–40.

56. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисл., послесл. и публ. Б.В. Ананьича; примеч. Е.А. Правиловой // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка / Сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М., СПб.: Феникс-Atheneum, 1995. С. 19–86.

57. Штернберг Г.А. Два года в стенах университета // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. С. 174–177.

58. Юдина М.В. Статьи. Воспоминания. Материалы. М.: Советский композитор, 1978. 416 с.

59. Ямский А. О любви // Красная молодежь. 1926. № 2. С. 24–27.

Литература

1. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge university press, 2002. 355 с.

2. Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh press, 2000. 474 с.

3. Konecny P. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal; Mc-Gill-Queen's University Press, 1999. 358 с.

4. Аврус А.И. Дискуссионные и малоизученные аспекты истории российских университетов // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / СПбГУ, Исторический факультет, Музей истории Университета; отв. ред. А.Ю. Дворниченко, сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 452–463.

5. Аврус А.И. История российских университетов в отечественной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии : Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции (Иваново, 20–21 сен-

тября 1995 г.). : В 2 т. / ИРИ РАН; Ивановский гос. ун-т; отв. ред. В.С. Меметов. Иваново, 1995. Т. 1. С. 159–161.

6. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки / Московский общественный научный фонд. М., 2001. 85 с.

7. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.

8. Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 1. С. 289–292.

9. Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 23 с.

10. Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : Коллективная монография в честь проф. И.М. Савельевой / Высшая школа экономики – Национальный исследовательский университет, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований; отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд-во НИУ «ВШЭ», 2012. С. 138–160.

11. Балина М.Р. «Выживленцы» и постсоветская поп-мемуаристика [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ba4.html#_ftnref2 (дата обращения 10.05.2017).

12. Брагинская Н.В. Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 134–144.

13. Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен : Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР

(конец 1880-х – 1930-е годы) / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: НЛЮ, 2012. С. 809–848.

14. Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб.: Диада-СПб, 2003. 252 с.

15. Вахромеева О.Б. К вопросу об историко-социологическом исследовании выпускниц Бестужевских курсов (к 130-летию первого женского университета в России) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 2009. Вып. 1. С. 278–280.

16. Вахромеева О.Б. Новая женщина в старой России: Очерки по истории женского образования. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Лема, 2011. 246 с.

17. Вахромеева О.Б. Российские университеты и высшее женское образование в России второй половины XIX – начала XX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. С. 279–301.

18. Ведерникова Е.В. Советская гендерная политика и карьерные возможности в науке [Электронный ресурс] // Рубеж: Альманах социальных исследований. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/18347421.html> (дата обращения: 30.04.2017).

19. Верременко В.А. Женщины в русских университетах : (вторая половина XIX – начало XX века) / Министерство образования РФ, Высшая административная школа при Администрации Санкт-Петербурга. СПб: Изд-во Высш. адм. шк., 2004. 148 с.

20. Верременко В.А. Феномен ученой женщины в общественном мнении России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Российские женщины и европейская культура : Тезисы докладов II научной

конференции / РАН, Санкт-Петербург. научный центр, Санкт-Петербург. фонд им. М.В. Ломоносова, Комитет по социальным вопросам Мэрии Санкт-Петербурга; [отв. ред. Г.А. Тишкин]. СПб: Санкт-Петербургский фонд, 1994. С. 15–16.

21. Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 36–45.

22. Дергачева Л.Д. О методике изучения личных дел аспирантов МГУ 20-е – середина 30-х годов // Тезисы докладов совещания: Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней (Москва, 20–22 февраля 1985 г.) / АН СССР, Институт истории СССР; отв. ред. В.Е. Полетаев. М., 1984. С. 178–180.

23. Дмитриев А.Н. Что значит быть историком // Марков А.Р. Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 гг. М.: НЛЮ, 2005. С. 5–12.

24. Жуковская Т.Н. Русская мемуаристика первой трети XIX века : Учебное пособие по спецкурсу / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2006. 85 с.

25. Зверкина Г., Эпштейн Г. Писатель И. Грекова – профессор Е.С. Вентцель [Электронный ресурс] // Новый мир. 2008. № 4. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/zv12.html (дата обращения 10.05.2017).

26. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход : Коллективная монография / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96–137.

27. Иванов А.Е. «Женский вопрос» в российских университетах в начале XX в. // О благородстве и преимуществе

женского пола. Из истории женского вопроса в России: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: СПбГАК, 1997. С. 117–129.

28. Иванов А.Е. За право быть студенткой // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 204–207.

29. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века : Очерки / РАН, Ин-т истории. М.: Новый хронограф, 2010. 331 с.

30. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации / РАН, Ин-т истории. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.

31. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / РАН, Ин-т истории. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

32. Исаев В.И. [Рец. на кн.] А.Ю. Рожков. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 170–172.

33. Кобрин К.Р. «Человек 20-х годов». Случай Лидии Гинзбург (к постановке проблемы) // НЛЮ. 2006. № 78. С. 60–83.

34. Костенко (Глазырина) Н.Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг : дипломная работа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom> (дата обращения 10.05.2017).

35. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 262 с.

36. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.) / Под ред. В.А. Шишкина. Л., 1984. 197 с.

37. Купайгородская А.П. Высшее женское образование в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков – условия и факторы развития //

Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / СПБНИИ РАН; СПб. науч. общество историков и архивистов; отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 302–321.

38. Купайгородская А.П. Женское образование в России – проблема и решение // Российские женщины и европейская культура : Тезисы докладов II научной конференции / РАН, Санкт-Петербург. научный центр, Санкт-Петербург. фонд им. М.В. Ломоносова, Комитет по социальным вопросам Мэрии Санкт-Петербурга; [отв. ред. Г.А. Тишкин]. СПб.: Санкт-Петербург. фонд, 1994. С. 62–64.

39. Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917–1927 гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук / АН СССР. Л.: Наука, 1990. 32 с.

40. Ласс Д.И. Современное студенчество. (Быт, половая жизнь). М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 216 с.

41. Лебина Н. Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки... // Родина. 1994. № 9. С. 112–134.

42. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.

43. Левинская И. О филологии без идеологии : Реплика по поводу двухтомника П.А. Дружинина «Идеология и филология» // Звезда. 2013. № 8. С. 173–183.

44. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 года. М.: Мысль, 1981. 285 с.

45. Ленинградский университет 1819–1944 / Отв. ред. В.В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945. 184 с.

46. Ленинградский университет за советские годы 1917–1947: Очерки / Сост. В.И. Смирнов и др.; под ред. С.В. Колесника. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. 383 с.

47. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. 2-е изд. / УрГУ; отв. ред. Л.И. Бородкин. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 608 с.

48. Марков А.Р. Что значит быть студентом. Работы 1995–2002 гг. М.: НЛЮ, 2005. 264 с.

49. Милина Т.В. Образование и учительство в 20-30-е годы: Проблема количественных и качественных показателей // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии : Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции (Иваново, 20–21 сентября 1995 г.). : В 2 т. / ИРИ РАН; Ивановский гос. ун-т; отв. ред. В.С. Меметов. Иваново, 1995. Т. 2. С. 348–349.

50. От сундука к сети. Беседа с Н.В. Брагинской, Н.Ю. Костенко, А.Д. Леоновым и А.С. Малковой о создании электронного архива Ольги Михайловны Фрейденберг [Электронный ресурс] // Русский журнал. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Ot-sunduka-k-seti> (дата обращения 5.05.2017).

51. Очерки по истории Ленинградского университета / ЛГУ; Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962–2000. Вып. I–VIII.

52. Пастернак Е.Б. Вступление // Пастернак Б.Л. Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг. М.: АРТ-Флекс, 2000. С. 3–18.

53. Патрикеева О.А. «Падчерицы русских университетов»: Проблемы высшего женского образования в России в конце XIX – начале XX столетий // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 177–191.

54. Патрикеева О.А. Курсистка или вольнослушательница Университета: выбор россиянок в начале XX столетия // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 2. С. 38–46.

55. Петрова Т.Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 120–125.

56. Платова Е.Э., Пшенко К.А. Новое студенчество России: Образ жизни. 20-е годы 20-го столетия. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 136 с.

57. Позденко. О коммунах II МГУ // Красная молодежь. 1926. № 11. С. 25.

58. Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 168–191.

59. Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2–3. С. 32–37.

60. Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997 / Центр социальной истории ИВИ РАН, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Политическая энциклопедия, 1998. С. 69–95.

61. Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27–42.

62. Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // *Tractus Aevorum*: Эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. № 1. Т. 1. С. 15–27.

63. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. 630 с.

64. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.

65. Рубинштейн М.М. Юность : По дневникам и автобиографическим записям. М.: Высш. пед. курсы при Моск. высш. техн. училище, 1928. 275 с.

66. Сальникова А.А. Частная жизнь университетского человека в Казани, 1920-1990-е гг. // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2004. № 8. С. 38–54.

67. Сальникова А.А., Амалиева Г.Г. Вновь о любви «без черемухи», или Женщина в университете в 1920-е годы // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. науч. ст. и сообщений / Казанский государственный университет; отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинецв. Казань, 2005. С. 57–62.

68. Симонова О.А. Женские журналы в начале XX в.: критика, рецепция, полемика // Женщина в российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 24–32.

69. Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII – XX вв. Проект «Биографика СПбГУ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hist1.html> (дата обращения 10.05.2017).

70. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы / РАН, Ин-т истории. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

71. Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 6. С. 75–82.

72. Тишкин Г.А. Петербургские профессора и женское образование // Русская культура и высшая школа: Тез. межвуз. науч. конф., посвященной 75-летию Санкт-Петербургской гос. академии культуры (20–23 дек. 1993 г.). СПб: СПбГАК, 1993. С. 52–54.

73. Тишкин Г.А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета / ЛГУ; отв. ред. Г.А. Тишкин. Л., 1982. Т. IV. С. 15–32.

74. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 174–207.

75. Черных А. Становление России Советской : 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 282 с.